

ГИБЛОЕ МЕСТО

АНТОН
ГРАНОВСКИЙ

ТАЙНЫЙ ВРАГ

Гиблое место

Антон Грановский

Тайный враг

«ЭКСМО»

2010

Грановский А.

Тайный враг / А. Грановский — «Эксмо», 2010 — (Гиблое место)

В XXI веке Глеб Орлов был журналистом. В веке IX ему пришлось стать Глебом-Первоходом, исследователем и покорителем загадочного Гиблого места. Судьба не дает ему передышки – победа над посланниками Тьмы не принесла Глебу покоя, и он вновь вынужден отправиться в Гиблую чащобу. На этот раз, кроме уже привычных чудовищ, Первоходу и его спутникам приходится иметь дело с тремя невольными путешественниками во времени. Цель Глеба – запечатать магическим камнем выход из Преисподней. Но, кажется, все в этом мире ополчилось против него...

© Грановский А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	10
3	14
4	20
Глава вторая	22
1	22
2	24
3	28
4	31
5	37
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Антон Грановский

Тайный враг

Моим племянникам – Алексею Храброму и Анастасии Премудрой

Глава первая

1

Порыв ветра пробежал по кронам черных пихт и елей, словно вздох огромного чудовища, оплакивающего своих безобразных отпрысков, сраженных рукою чужака.

Крев столкнул с себя обезглавленное тело твари и поднялся на ноги. Несмотря на пронизывающий ветер, он обливался потом. Ему не впервой было драться с тремя противниками одновременно, но таких живучих и жутких гадов он еще не встречал.

Отряхнув порванный комбинезон, Крев искал на земле выжигатель, который выронил во время схватки, нашел его, стряхнул с него мусор и сунул оружие в чехол. Затем поднял сумку и, поморщившись от боли в ушибленной груди, забросил ее на плечо.

Избитое тело болело, но особых причин для расстройства не было – твари так и не сумели вцепиться в него зубами и не нанесли ему смертельных или опасных ран.

Крев огляделся. Сумерки в лесу стремительно сгущались. Еще полчаса, и мрак станет непроглядным. А этот странный лес и при дневном свете казался жутким. Отблесков далекого зарева над лесом уже не было видно. Судя по всему, огонь на месте разверзшегося ада уже угас. Хорошо хоть не перекинулся на деревья.

Еще немного передохнув, Крев поправил на спине сумку и зашагал через мрачный и черный лес-глушняк, стараясь не сойти в сумерках с едва видневшейся тропки. Рано или поздно эта тропка куда-нибудь его приведет.

Он прошел шагов двадцать, когда ночную тишину леса взрезал жуткий многоголосый вой. По спине Крева пробежал мороз, но он не остановился. Лишь прижал ладонь к груди, к тому месту, где под прочной тканью комбинезона висел на шее платиновый крестик, и хрипло прошептал:

– Господи, помоги мне выбраться отсюда.

Сомкнув губы, Крев горько усмехнулся: надеяться на бога не стоило, ведь он отвернулся от Крева еще два года назад. Крев сплюнул себе под ноги, двинулся дальше.

Интересно, выжил ли еще кто-нибудь? Крев вспомнил ухмыляющуюся физиономию Раха... Этот смертоносный дьявол вполне мог выжить. Рах силен, ловок и хитер. Крев отлично помнил, как, не зная сна и отдыха, шел по следу Раха, чтобы пресечь его кровавый путь, устеленный трупами невинных людей.

И вот теперь он снова вынужден думать об этом дьяволе во плоти и оглядываться по сторонам, опасаясь внезапного нападения.

Резкий порыв ветра заставил Крева поежиться. Рванный комбинезон – плохая защита от холода и ветра. Хорошо бы сейчас развести огонь, но, увы, нечем.

Тьма становилась все гуще, и вот уже на небе проступили звезды.

И вдруг Крев остановился. За деревьями полыхал костер. Сердце Крева подпрыгнуло в груди и, забыв об опасности, он бросился вперед. Теперь он не обращал внимания ни на бьющие по лицу ветки, ни на чавкающую под ногами грязь. Лишь бы побыстрее выбраться из этой проклятой, промозглой чащобы к огню, к людям и – черт побери! – к еде. Он так давно не

ел настоящей пищи, что почти забыл ее вкус. И все же мысли о жирном, хорошо прожаренном куске мяса вызвали в его желудке судороги и заставляли дрожать от вожделения.

Впереди, за деревьями, он увидел людей.

Их было четверо, и один из них явно услышал или почувствовал его приближение. Он был высок и широкоплеч и стоял спиной к костру, положив руку на пояс. (Вероятно, затем, чтобы побыстрее выхватить оружие в случае необходимости.) С этим нужно держать ухо востро, решил Крев.

У ног одного из странников, юного, белокурого парня, лежал старый пес.

Раздвинув кусты, Крев вышел на лужайку и остановился так, чтобы отблески костра падали ему на лицо. Пес лениво поднял морду, скользнул по Креву безразличным взглядом и снова положил голову на толстые лапы. Выждав несколько секунд, Крев решил, что незнакомцы успели его разглядеть, и громко спросил:

– Кто вы, странники?

Тот, что стоял спиной к костру, самый рослый и крепкий из всей компании, поднял левую руку в приветственном жесте и пробасил:

– Я ходок. Зовусь Ставром Смелым. Воевода Видбор – мой дядя. А ты...

– Ходок? – переспросил Крев.

Парень кивнул.

– Да. Ходок в места погиблые. А это... – Он обвел широким жестом троих своих спутников. – ...Мои ведомые. Люди, которых я привел сюда за чудными вещами. А кто ты такой, добрый человек?

– Ты назвал меня добрым человеком?

– Да.

Крев усмехнулся. Затем огляделся и спросил:

– Далеко отсюда до города?

Странники, сидевшие у костра, изумленно переглянулись, а их предводитель, назвавший себя ходоком, ответил:

– Далеко.

Крев поскреб пальцами поросшую русой щетиною щеку и, нахмурившись, сказал:

– По дороге к вам на меня напали какие-то сумасшедшие. Я снес одному голову, но он продолжал цепляться за меня. – Крев передернул плечами. – Должно быть, я слишком устал и бредил наяву.

Сплюнув себе под ноги, он достал из кармана плоскую флягу, свинтил крышку и приложился к горлышку. Отхлебнул он торопливо, и вода полилась по подбородку.

Трое «ведомых», сидевшие у костра, испуганно о чем-то зашептались. А ходок Ставр хмуро спросил:

– Где ты взял эту воду, странник?

– Набрал в роднике, – последовал ответ. – А что?

– В Гиблом месте ничего нельзя пить и есть.

– Правда? Ну, теперь уже поздно об этом говорить. – Крев небрежно вытер рукавом рот и сказал: – Если вы направляетесь в город, я пойду с вами. А если у вас есть еда, я готов за нее...

Договорить он не успел. Наверху послышался странный шум – словно огромные знамена забили на резком ветру. В правой части неба звезды вдруг исчезли, и Крев не сразу понял, что мгла, поглотившая звезды, имеет контур огромной птицы.

– Спуржун! – завопил сидевший у костра толстяк.

Ходок Ставр молниеносно подхватил с земли лук и быстро вложил стрелу на тетиву. Стрела сорвалась с тетивы и со свистом ушла в небо.

Дальнейшее произошло так быстро, что Крев не успел ничего предпринять. Огромная птица спикировала на него с неба и вцепилась ему в заплечную сумку острыми когтями. Мет-

ров пять проклятая тварь волокла его ногами по земле, а затем сорвала с его спины сумку и устремилась с ней вверх.

Ставр пустил ей вслед еще одну стрелу, но снова промазал – стрелок он явно был неважный.

Упав не землю, Крев тут же вскочил на ноги, выхватил из чехла выжигатель, направил его на улетающее чудовище и нажал на спуск.

Огненная стрела, стремительно вырвавшись из дула выжигателя, прочертила в черном воздухе пылающую дорожку и ударила птицу в огромную голову. Чудовище оглушительно вскрикнуло и выронило сумку, а затем, тяжело замахав крыльями, спикировало вниз и рухнуло на землю за черной стеной деревьев.

Крев перевел дух и взглянул на Ставра.

– Что это было? – напряженным голосом спросил он.

– Спуржун-птица, – ответил ходок. – Тебе повезло, что она схватила твою суму, а не тебя.

Крев натянуто улыбнулся.

– Да, – хрипло произнес он. – Мне и впрямь повезло.

Он взглянул на сумку. Сумка лежала метрах в пятнадцати от того места, где стоял Крев, посреди голого, довольно большого участка земли. Слава богам, крылатое чудовище не успело унести ее далеко.

Крев облегченно вздохнул и двинулся к сумке, но молодой ходок внезапно встал у него на пути.

– Что такое? – удивленно нахмурился Крев.

– Эта голая пустошь – голодная прогалина, – ответил Ставр. – Если ты ступишь не нее, она обьест тебе ноги.

Несколько секунд Крев смотрел в глаза парню, пытаясь определить, шутит тот или нет, затем усмехнулся и сказал:

– Мне-то казалось, что это я – сумасшедший. – Он повернулся к белокурому юнцу, сидевшему ближе всех к костру, и приказал: – Ты! Иди туда и принеси мне сумку!

Даже при свете костра было видно, как сильно побледнел юнец. Он качнул головой и проговорил дрогнувшим голосом:

– Нет.

– Нет?

– Нет, – снова повторил юнец. – Прошу тебя, странник, не заставляй меня идти туда.

Крев прищурил глаза и облизнул губы. Эти перепуганные бродяги, которые наделали в штаны от одного вида огромной птицы, отказывались подчиняться ему. Что ж, придется преподавать им урок.

Он поднял выжигатель, наставил его на неповоротливого старого пса, стоявшего у ног юнца, и нажал на спусковую панель. Пес грузно, как мешок с мукой, упал набок.

Юнец вскрикнул, схватил пса за шкуру и потряхнул его. Но пес остался неподвижен. Юнец поднял взгляд на Крева и испуганно спросил:

– Он мертв?

Крев натянуто усмехнулся и ответил:

– Мертвее жареного бекона.

Юнец зарыдал, а Ставр нахмурился и глухо проговорил:

– Зачем ты убил собаку, странник?

Крев заметил, как пальцы парня скользнули к поясу. Он быстро направил на него выжигатель и холодно произнес:

– Убери руку с оружия, ходок.

Ставр нехотя подчинился.

– Мы не сможем достать твою суму, – угрюмо пояснил он. – Любой, кто попробует до нее добраться, погибнет.

– Уверен, что толстяк справится, – жестко проговорил Крев и навел выжигатель на перепуганного увальня. – Давай, толстяк! Считаю до трех! Раз!.. Два!..

Толстяк с испуганным и растерянным видом поднялся с бревна.

– погоди! – остановил его ходок.

Он подошел к вороху толстого валежника, заготовленного для костра, поднял его, подошел к краю прогалины и одну за другой пошвырял палки в грязь.

– Старайся идти по палкам, – сказал он.

Толстяк кивнул и, опасливо косясь на выжигатель, двинулся вперед. Все затихли, напряженно следя за его передвижением. Шаг. Еще один. И еще. Грязь дрогнула у него под ногами и слегка забурилась. Черный блестящий язык быстро поднялся из прогалины и лизнул сапог толстяка, словно пробовал его на вкус.

И тут нервы толстяка сдали – вскрикнув, он повернулся и бросился обратно, однако движения бедолаги были столь неуклюжими, что он тут же поскользнулся на ветке и рухнул в грязь животом и лицом.

Черная, жирная жижа мигом вползла ему на открытые участки кожи и принялась с чавканьем пожирать их. Толстяк закричал от ужаса и боли и попытался встать, но грязь, впившись ему в лицо и шею, как огромная пиявка, потащила его обратно.

Ставр, прорывав какое-то ругательство, хотел броситься ему на помощь, но Крев наставил на него выжигатель и коротко приказал:

– Стоять!

Затем снова глянул на толстяка. Тот уже не кричал. Тело его оплыло и смешалось с грязью. Еще несколько секунд – и грязь растворила его, подобно кислоте.

Крев повернул к угрюмо молчащим странникам свое бледное лицо и спросил:

– Вы тоже это видели?

– Да, – глухо ответил ходок, с ненавистью глядя на него и сжимая кулаки.

Крев вытер рукавом камзола испарину, выступившую на лбу, и с облегчением произнес:

– Хорошо. Значит, я не сумасшедший. А теперь объясните мне, какого дьявола здесь происходит? Но имейте в виду: если ваше объяснение мне не понравится, я вышибу вам мозги.

Несколько секунд все молчали, затем Ставр разомкнул плотно сжатые губы и, яростно сверкая глазами, изрек:

– Ты в Гиблом месте, бродяга.

Крев облизнул губы. Бродягой его еще никто никогда не называл.

– И что? – спросил он. – Здешняя грязь – не грязь?

Ходок снова разомкнул губы – казалось, с еще большим усилием, чем прежде, и ответил:

– В Гиблом месте все не то, чем кажется, бродяга.

Крев сдвинул брови и гневно пообещал:

– Еще раз назовешь меня бродягой, и я...

И вдруг слова застряли у него в глотке. В глазах у Крева потемнело, а голову пронзила острая боль, словно ему протащили сквозь виски раскаленную проволоку. Крев сжал зубы и быстро и хрипло задышал. Выжигатель выпал из его разжавшихся пальцев в траву, а он этого даже не заметил.

– Что... – хрипло пробормотал Крев, сцепив зубы от боли. – Что со мной?

– Ты выпил воду из родника, – холодно пояснил ходок.

Новый приступ боли выдавил из утробы Крева глухой, долгий стон. Странники вскочили с бревен и стали пятиться от костра, с ужасом глядя на его голову. Крев поднял к вискам трясущиеся руки и ощупал свой череп. Черепная кость пульсировала и разрасталась под пальцами.

– Как это прекратить? – с ужасом прохрипел Крев.

– Это уже не прекратишь, – отчеканил ходок.

Новый приступ нестерпимой боли заставил Крева упасть на колени и хрипло застонать.

– Бежим! – крикнул Ставр.

Он подхватил с земли сумку с провизией и амулетами, повернулся и первым бросился во тьму, указывая своим спутникам дорогу. Белокурый юноша и долговязый мужик побежали за ним.

За спинами у них послышался отчаянный крик, переросший в жуткий рев, который не мог принадлежать ни человеку, ни зверю. А затем что-то быстрое настигло их. Долговязый странник взвился в воздух, пролетел две сажени и упал животом на груды сухих веток, пронзивших его тело.

Юноша ускорил бег, но голова его вдруг на полном ходу с хрустом повернулась в обратную сторону. Он пробежал по инерции еще несколько шагов и упал на землю замертво с нелепо вывернутой головой.

Потеряв своих ведомых, молодой ходок остановился, выхватил из ножен меч и резко повернулся навстречу преследующему его кошмару.

– Давай, тварь! – крикнул он полным отчаяния и решимости голосом. – Давай!

Что-то темное понеслось из мрака к Ставру, оледенив ему лицо дуновением ветра.

– Бог Хорс, помоги мне! – прокричал ходок и, сцепив зубы, бросился навстречу темной твари.

Однако не успел он пробежать и двух шагов, как сильный удар сбил его с ног. Ставр упал на землю и хотел снова вскочить на ноги, но вдруг увидел рядом с собой высокую фигуру, закутанную в плащ. Полы плаща незнакомца развевались на ветру, словно крылья, а в руке он сжимал меч.

– В сторону! – рявкнул незнакомец.

Голос показался Ставру знакомым, но он не стал вспоминать, где его слышал, а просто откатился в сторону.

Незнакомец в развевающемся плаще шагнул вперед, к высоченной двухсотлетней пихте, и ударил мечом по нижней ветке. В то же мгновение наверху что-то ухнуло, и огромные сосновые бревна обрушились вниз, прямо на голову выпрыгнувшей из чащобы твари.

Чудовище взревело от боли и заскрежетало лапами, пытаясь вырваться из западни, но безрезультатно. Ловушка из тесаных бревен прочно придавила его к земле.

Ставр перевел дух, изумленно взглянул на незнакомца и хрипло спросил:

– Кто ты?

– Меня зовут Глеб – Я охотник, – ответил тот.

– Это твоя ловушка?

– Да.

– Тварь, которая в нее попалась...

– Да, я знаю, – кивнул незнакомец. – Если тебе надоело лежать, ты можешь встать и посмотреть на эту тварь вместе со мной.

Незнакомец с лязгом вложил меч в ножны, затем сделал рукой неуловимое движение, и в ней появился странный предмет, похожий на обрубленный посох.

– Что это? – недоуменно спросил Ставр, поднимаясь с земли.

– Ольстра, – коротко ответил незнакомец. – Держись у меня за спиной, ходок.

И он первым шагнул к придавленному бревнами чудовищу.

2

Шумен и весел был Порочный град, созданный когда-то купцом Бавой Прибытком. От самого Бавы давно уж остались рожки да ножки, а творение его жило и процветало. Княжеством в княжестве называли его иные острословы и были правы.

В Порочном граде было разрешено все то, что запрещалось на прочих просторах княжества. Здесь можно было бражничать, развратничать, драться и смотреть на драки, а еще делать ставки на темных тварей, сражающихся на деревянном помосте Большого Кружала.

Одна беда – располагался Порочный град почти у самой границы Гиблого места, и порою твари прорывались сюда по ночам, чтобы задрать пару-тройку бедолаг, не успевших добежать до ближайшего поста охоронцев. Но это не останавливало желающих развлечься и позабыть о тяготах обычной жизни. Призрак смертельной опасности, парящий над Порочным местом, придавал всем развлечениям какой-то отчаянный и болезненно разудалый вид.

Остановив телегу у Большого Кружала, охотник Глеб неторопливо огляделся и сказал:

– Вижу, жизнь в Порочном граде бьет ключом. Кто здесь всем заправляет?

– Раньше был купец Бава Прибыток, – ответил Ставр, – но потом он умер, и теперь главный здесь Крысун Скоробогат. Знаешь его?

Охотник усмехнулся и холодно проговорил:

– Да уж, наслышан.

Ставр улыбнулся.

– При Крысуне Порочный град расцвел. В кружалах не переводятся посетители. Все пьют и веселятся до упаду...

Не успел Ставр закончить фразу, как дверь кружала распахнулась, и на улицу вылетел человек. Шмякнувшись на землю, он блаженно улыбнулся и затих.

Охотник посмотрел него, перевел взгляд на ходока и невозмутимо осведомился:

– Здесь все еще подают водку?

Ставр кивнул:

– Да. Бава Прибыток завещал Крысуну водочный секрет. Видел бы ты, охотник, какие бои здесь устраивает Крысун! На прошлой неделе он выставил против двух оборотней одного огромного волколака. Что это была за битва! – Ставр вздохнул: – Я и сам сделал ставку, но проиграл.

– На кого же ты поставил?

– На оборотней. Но волколак разорвал их раньше, чем я успел допить свою брагу.

– А как насчет срамных домов? В них по-прежнему можно развлечься с девкой-упырихой или волколачихой?

Ставр потемнел лицом и хмуро обронил:

– Я таким срамом не занимаюсь.

Охотник усмехнулся.

– Значит, я связался с правильным парнем.

Он пружинисто спрыгнул с телеги и небрежно набросил поводья на коновязь. Затем повернулся к молодому ходоку и сказал:

– Ставр, ступай к Крысуну и расскажи ему про тварь, которую мы привезли.

Парень нахмурился и покачал кудлатой русой головой:

– Нет, Глеб. Это твоя добыча. Тебе и идти.

– Мы поймали эту тварь вдвоем, – возразил Глеб. – И потом, я простой охотник. Крысун не станет со мной говорить. И даже не пустит меня к себе на порог.

Ставр подумал и кивнул:

– Да, ты прав. Но из денег, которые заплатит мне Крысун, две трети – твои.

– Это как ты скажешь, – смиренно ответил охотник.

Ходок оправил одежду, проверил, крепко ли держатся на поясе ножны, затем нахмурился и зашагал к кружалу. Охотник, чуть прищурившись, посмотрел ему вслед. Он видел, что Ставр волнуется. Должно быть, парню еще не приходилось предлагать Крысуну Скоробогату по-настоящему крупную и ценную тварь. Охотник усмехнулся: ничего, со временем и это станет обычным делом.

По-прежнему не снимая капюшона, охотник сложил руки на груди и глубоко о чем-то задумался. Вышел из своей задумчивости он лишь тогда, когда дверь кружала снова широко распахнулась, выпустив наружу громкую музыку и гул голосов, а помимо того – Ставра и шестерых сопровождающих его охоронцев.

Все шестеро были рослые и широкоплечие. Даже далеко не хилый Ставр на их фоне выглядел почти подростком.

– Ну? – спросил начальник охоронцев, угрюмо оглядывая двор, уставленный телегами. – И где тут ваша тварь?

– Вон в той телеге, – указал Ставр.

Охоронцы подошли к телеге, скользнули взглядами по рогоже, которой было накрыто связанное чудовище, затем подозрительно воззрились на охотника.

– Кто твой спутник? – поинтересовался у Ставра начальник охоронцев.

– Охотник-промысловик. Он и помог мне поймать эту тварь. Глеб, это начальник охоронцев – Избор.

Охотник кивнул начальнику. Тот прищурил недобрые глаза и поинтересовался:

– Ты всегда скрываешь свое лицо под наголовником, охотник?

Охотник покачал головой.

– Нет.

– Отчего же сейчас не откроешь?

– Две седмицы назад я встретился у водопоя с медведем, – спокойно и вежливо объяснил охотник. – Он искалечил мне лицо.

– Вот как? – Начальник Избор мрачно усмехнулся. – Я слышал, с охотниками такое случается. Но что, если мы захотим рассмотреть тебя получше?

Охоронцы, угрюмо глядя на охотника, положили пальцы на рукояти своих мечей.

– Прости, но я не позволю вам этого сделать, – спокойно заявил Глеб.

Несколько мгновений все молчали. Неизвестно, что произвело на начальника Избора большее впечатление – спокойный голос охотника или его благородные, гордые манеры, но неожиданно начальник отступил.

– Ладно, – примирительно произнес он. – Не хочешь показывать лицо, не надо. Ждан, Липа, Ивач! Гляньте, что там за тварь!

Трое охоронцев отделились от группы и шагнули к телеге.

– Будьте осторожны с этой тварью, – спокойно посоветовал охотник. – И не вздумайте прикасаться к веревкам. Эта тварь намного сильнее и опаснее волколака.

Начальник Избор жестом остановил своих людей и двинулся к телеге сам. Подошел, взял сильными пальцами за край рогожи и приподнял ее. Тварь, лежащая под рогожей, тихо зарычала. Начальник Избор опустил рогожу и тихо проговорил:

– В жизни не видел твари ужаснее. Откуда она взялась?

– Полагаю, оттуда же, откуда и остальные, – ответил охотник.

– И как вы сумели ее поймать? У вас есть какие-то секреты?

Охотник едва заметно усмехнулся и проронил:

– Думаю, нам просто повезло.

Избор глянул на Ставра хмурым взглядом и сказал:

– Мы забираем тварь вместе с телегой.

Глаза молодого ходока взволнованно блеснули.

– Да, но...

Начальник Избор снял с пояса кожаный кошель и протянул его Ставру.

– Держи. Этого хватит на двадцать телег. Ждан, бери лошадь под уздцы и веди ее на конюшню!

Охоронец кивнул и двинулся к лошадке.

Не попрощавшись со Ставром и Глебом, охоронцы повернулись и зашагали к конюшне. Вскоре они свернули за угол и скрылись из вида вместе со своей добычей.

Ставр хмуро посмотрел им вслед, затем перевел взгляд на кошель с деньгами и о чем-то задумался. Охотник распрямил плечи и слегка размял шею.

– Что ж, сделка совершена, – сказал он. Затем покосился на задумчивое лицо парня и спросил: – Ты, кажется, чем-то недоволен, Ставр?

Молодой ходок вздохнул.

– Да вот все думаю: правильно ли мы поступили?

– Что тебя смущает?

– Эта тварь совсем недавно была человеком.

– Вот как? И тебе нравился этот человек?

Ставр покачал головой:

– Нет. Он убил толстяка Кочебора и собаку мальчишки Люта.

– На твой взгляд, он заслуживает смерти?

– Думаю, да.

– Тогда не забивай себе больше этим голову.

Охотник хотел отвернуться, но вдруг увидел в окне второго этажа человека. Окно было сделано из настоящего стекла и наверняка стоило дороже, чем десять самых матерых темных тварей.

Человек был одет в красный плащ, подбитый каракулем и расшитый золотыми нитями. В худых, длинных пальцах, усыпанных перстнями, он держал серебряный кубок. Увидев, что охотник смотрит на него, человек у окна скривил губы и холодно что-то проговорил. Охотник разобрал его слова по движениям губ, и слова эти были: «Чего уставился, смерд?»

Охотник отвел взгляд от окна.

– Открой кошель и пересчитай деньги, – велел он молодому ходоку.

Ставр кивнул, ослабил тесьму кожаного кошель и вывалил его содержимое на ладонь. Охотник шагнул к нему и торопливо прикрыл монеты рукою.

– Быстро спрячь их обратно в кошель, – приказал он.

Ставр удивленно уставился на охотника.

– Почему?

– Никогда не показывай, сколько у тебя денег. Вокруг полно проигравшихся пьяниц. Любой из них, не раздумывая, перережет тебе глотку, если узнает, что ты при деньгах.

Молодой ходок тревожно огляделся и спрятал кошель в сумку-ташку, притороченную к поясу.

– Я успел сосчитать монеты, – сказал он затем. – Там десять серебряных абассидских дирхемов. Семь из них твои, Глеб.

Охотник покачал головой:

– Нет. Мне хватит и пяти.

– Но...

– Не возражай.

Ставр вновь потянулся к кошелью, но Глеб жестом остановил его.

– Не сейчас. Отдашь после.

Ставр взглянул на него удивленно.

– Ты доверяешь мне?

– Да, – кивнул охотник.

Ставр озадаченно и неуверенно нахмурился. Похоже, ему еще никогда не приходилось сталкиваться с таким благородством.

– Могу я еще чем-нибудь угодить тебе, охотник? – спросил он.

Глеб кивнул:

– Можешь. Ты знаешь, где живет кузнец Вакар?

– Кузнец Вакар? Конечно. Это все знают.

– Можешь отвести меня к нему?

– Я сделаю это с радостью, охотник. – Ставр покосился на двери кружала. – Но... не хочешь ли ты для начала немного развлечься, Глеб? В Порочном граде много заманчивых мест.

Охотник задумался. Было видно, что предложение Ставра не пришлось ему по душе, но он не мог подыскать убедительной причины для отказа. Заметив его колебания, Ставр смирился.

– Хорошо, я отведу тебя к кузнецу прямо сейчас. Но позволь мне купить в дорогу кувшин хмельного олуca. После долгих скитаний у меня совсем пересохло в горле.

– Хорошо, – с явным облегчением кивнул охотник. – Я подожду тебя здесь.

Ставр поправил на поясе ножны и зашагал к двери кружала, над мощными дверями которой были прибиты четыре огромных бычьих черепа. Когда он скрылся в кружале, охотник положил пальцы на рукоять меча и незаметно огляделся. Было видно, что его что-то беспокоит, но что именно – он, пожалуй, и сам не может пока понять.

Прошло две минуты, и вдруг в кружале послышался шум. Охотник насторожился, затем с досадой выругался и бросился бегом к кружалу.

Распахнув дверь, он нырнул в шумный хмельной мир питейного дома и растворился в нем, а через полминуты дверь снова с шумом распахнулась и двое испачканных кровью мужчин выскочили наружу.

– К коновязи! – крикнул охотник. – Быстро!

Двое охоронцев бросились им навстречу с обнаженными мечами. Первого Глеб сбил с ног ударом кулака в челюсть, а второго перебросил через себя и швырнул на землю, как мешок с пшеном.

Пока охоронцы приходили в себя, Ставр и охотник отвязали коней, вскочили на них и поскакали прочь от кружала.

3

Озар Сноп, выбившийся в люди из простых целовальников, был мужиком умным и дальновидным. После встречи с гофским путешественником Карлом Ясманом Озар повесил над дверью своего кружала, расположенного на западной окраине Хлынъ-града, большую доску с надписью не чертами и резами, а настоящими рунами, гласящую: «Таверна «Три бурундука».

На этом лукавый здоровяк Озар не остановился и объявил свое кружало «семейным местом», прямо заявив о том, что отныне будет пускать в особый зал баб и детей от десяти годков, которые смогут пить в его кружале сладкий сбитень и квас, сколько их душеньки пожелают. Мужики отнеслись к выдумке Озара спокойно. Бабы сюда все равно не ходили – и не потому, что запрещали мужья, а потому что им было попросту некогда. А про детей и говорить не приходится.

Однако особый зал за деревянной перегородкой Озар держал нетронутым и мужиков сюда не пускал, надеясь, что со временем все переменится, и его «таверна» и впрямь станет «семейным местом». И вскоре дело потихоньку пошло на лад. В кружало стали заглядывать бабы. В основном это были приезжие купчихи, которые заходили к Озару попить сбитня, киселя или сладкого кваса и поесть пирожков.

Вот и сегодня в особый зал «Трех бурундуков» заглянула посетительница. Да не одна, а с ребенком! Посетительницу сию Озар знал давно. Странная она была баба, эта матушка Евдокия. Четыре года назад, переодевшись в мужское платье, отправилась в путешествие по западным королевствам, пробыла там два года, а вернувшись, объявила родичам, что теперь она христианка, и не просто христианка, а божий пастырь.

Благо бы просто болтала, так ведь нет – и впрямь принялась проповедовать. Целыми днями приобщала хлынцев к учению своего плачущего бога – сперва в пещере за оврагом, но с месяц назад начала строить настоящий деревянный храм.

Озар не доверял плачущему богу, но пару раз приходил на проповеди к Евдокии – но для того лишь, чтобы вновь увидеть ее взволнованное лицо, впитать мягкий свет ее ясных глаз. Красивая была баба Евдокия, что и говорить. Озар знал, что к ней подбивали клинья многие купцы да зажиточные мужики, но Евдокия всем им дала от ворот поворот.

Одета она всегда была в черное и голову накрывала черным платком, но однажды Озар увидел выбившийся из-под платка каштановый локон, и локон этот был такой чудной густоты и красоты, что даже Озар почувствовал внизу живота позыв вожделения, хотя ему уже шел шестой десяток.

Мальчишка, пришедший в кружало с проповедницей Евдокией, был худеньким и бледным. Темноволосый, хмурый, молчаливый, на вид – лет одиннадцати-двенадцати. Озар усадил гостей за стол, забросил рушник на могучее плечо и сказал:

– Сегодня у нас шумно, Евдокия. Уж не обессудь.

– Ничего, – спокойно ответила проповедница, скосив глаза на толпу мужиков, пьянствующих в большом зале. – Подай нам сладкого сбитня. Мне с имбирем, а мальчику – с мятой.

Озар кивнул и хотел идти, но остановился и спросил мальчика, глянув на него мягким, ласковым взглядом:

– Принести тебе петушка, малой?

Мальчик ничего не ответил и даже не взглянул на Озара.

– Он не разговаривает, – сказала Евдокия.

– Совсем? – удивился Озар.

Проповедница кивнула.

– Совсем.

– Гм... – проронил хозяин таверны и, сдвинув брови, отправился к дубовой стойке, за которой вершил все свои питейные и съестные дела.

Поставив перед Евдокией и мальчиком по кружке со сбитнем, Озар полюбопытствовал:

– Евдокия, этот малец – твой родич?

– Нет, – ответила матушка. – Он мне не родня.

– Откуда ж он взялся?

– Прибился к нашей общине четыре месяца назад.

Озар вновь взглянул на мальчика. Тот пил сбитень, держа большую кружку двумя руками, и, казалось, не слышал, что говорят о нем.

Щеки его были бледны и совсем не тронуты загаром, лицо – худое и тонкое, а кожа – нежная и чистая, словно у девочки.

– Откуда же он мог взяться? – недоуменно проговорил хозяин таверны.

Евдокия отпила сбитня и ответила:

– Он пришел из страны, которая находится за Гиблым местом.

На лице Озара появилось изумление.

– Но ведь за Гиблым местом ничего нет, – возразил он. – Там конец земли. Черный, бушующий окиян, над которым летают незримые духи.

Евдокия едва заметно усмехнулась.

– Господь не терпит пустоты, Озар. Я думаю, что за Гиблым местом находятся земли, которые нам еще предстоит изведать.

Озар вдруг наморщил лоб и, недоверчиво глянув на Евдокию, проговорил:

– А ты ведь сказала, что мальчик не разговаривает. Откуда ж ты знаешь про неизведанные земли?

– Порою мальчик бредит во сне, – ответила матушка Евдокия. – Иногда он говорит столь жуткие вещи, что я никому не возьмусь их пересказать.

Хозяин таверны посмотрел на мальчишку, пьющего сбитень, задумчивым взглядом.

– И как же он оказался здесь?

Матушка Евдокия тоже посмотрела на мальчика и вздохнула.

– Точно не знаю. Из того, что он говорил во сне, я поняла, что пришел он сюда пешком. Шел долго, видел по пути много страшного. Когда я нашла его, он был тощ, как сухая ветка, и едва держался на ногах от усталости и голода. При себе у него был только корень золотника и пучок рысьей травы. Как я поняла, когда мальчик хотел есть, он жевал траву и облизывал этот корешок. Думаю, золотник отпугнул от него оборотней.

– Про золотник я знаю, – кивнул Озар. – А как насчет упырей? Упыри не боятся золотника.

Евдокия рассеянно улыбнулась.

– На этот вопрос я не могу ответить, Озар. Знаю одно: Господь для чего-то уберег этого мальчика.

Мужики в большом зале заржали.

– Эй, матушка! – крикнул один из них. – Не хочешь оседлать моего конька?

Евдокия даже не взглянула в их сторону.

– Охолони! – рявкнул на мужика Озар. – Ты в моем кружале!

– А ты на меня на гаркай! – отозвался мужик. – А то не посмотрю, что ты тут хозяин!

Он что-то сказал своим собутыльникам, и те снова загоготали.

– Тьфу ты, – сплюнул Озар с досадой. – Совсем распаскудился народец.

– Они нездешние, – сказала Евдокия. – Ты их знаешь?

Озар кивнул:

– Да. Это люди Крысуна Скоробогата.

– А что они делают в Хлынь-граде?

– Набирают новых парней в воинство Крысуна. – Озар невесело усмехнулся и добавил:
– Скоро его войско станет больше, чем у самого князя.

Евдокия сдвинула соболии брови и сказала:

– Это неправильно.

– Конечно, неправильно. Но что тут сделаешь? Князь после войны слаб, да и казна его тоща. У кого деньги, у того и власть.

– Эй, матушка! – снова крикнул мужик. – Так что насчет моего конька-буранка? Может, взглянешь?

Евдокия сверкнула в его сторону глазами и грозно ответила:

– Только сунься ко мне со своим коньком! Враз его лишишься!

– Ты же христианка! – крикнул кто-то из мужиков. – Разве христианам положено убивать людей? А как же добро, которое ты должна нести людям?

– У моего Добра есть кулаки и зубы, – ответила матушка, глядя на бугая пылающими глазами. – И не советую тебе испытывать их крепость.

Мужик снова что-то крикнул в ответ, но звук его голоса потонул в скрипе дверных петель. В кружало вошел новый посетитель. Это был высокий, широкоплечий, огненно-рыжий мужчина. Он был перепачкан грязью, но не из-за неряшливости, а от долгой дороги.

Подойдя к стойке, незнакомец метнул взгляд на Озара и хрипло спросил:

– Что это за деревня?

– Это город, – ответил Озар, с угрюмым удивлением разглядывая оборванца.

Рыжий незнакомец облизнул губы.

– И что это за город? – спросил он своим хриловатым, усталым голосом.

– Хлынь, – ответил Озар, заходя за стойку.

– Хлынь, – повторил незнакомец и наморщил лоб. – Никогда о таком не слышал.

– Налить тебе чего-нибудь, странник?

– Да. Воду.

– Эй, оборванец! – крикнул один из бражничающих мужиков. – Здесь бродягам не наливают!

– Поди напейся жижицы из оврага, кукомоя потная! – поддержал его другой.

Мужики захохотали. Рыжий скользнул по ним взглядом и снова повернулся к Озару. Тот уже наполнял водою глиняную кружку.

– Эй, оборванец! – снова крикнул кто-то их бражников, но на этот раз грозно и без всякой насмешки. – Чеши из кружала, пока мы тебе башку не оторвали!

Рыжий, не обращая внимания на окрик, взял протянутую Озаром кружку и принялся с жадностью пить воду. Озар встретился взглядом с матушкой Евдокией, нахмурился и пожал плечами.

– Оборванец! – снова крикнул кто-то из бражников. – Ты что, оглох? Ежель так, то я тебе мигом уши прочищу!

– Верно! – поддержал другой. – Эй, оборванец, меня от одного твоего вида мутит и выворачивает! А ну – прочь отсюда!

Озар взглянул на бражников недовольным взглядом и примирительно проговорил:

– Чего вы разошлись, мужики? Не видите – человек с дороги.

– Заткни хлебало, Озар! – рявкнул бражник-верховод. – Мы не желаем бражничать под одной крышей с этим отребьем!

– И ежели ты сам не желаешь его выставить, то мы сделаем это за тебя! – гаркнул другой. – А ну, ребята, пошли!

Трое из десяти бражников, пьянствующих за длинным дубовым столом, поднялись, засучивая на ходу рукава дорогих, расшитых цветными нитями рубах, двинулись к стойке.

– Слышь, парень, – тихо проговорил Озар незнакомцу. – Ты прости, но лучше тебе уйти. Это люди Крысуна Скоробогата, и шутить они не будут.

Рыжий незнакомец поставил на стойку опустевшую кружку, вытер рукавом драной рубахи рот и повернулся к бражникам. Те стремительно приближались. Они, по всей вероятности, рассчитывали, что парень бросится вон из кружала, но его спокойствие сбило их с толку и окончательно вывело из себя.

– Ну, держись, бродяга! – рывкнул один и выхватил из ножен меч.

Его примеру тут же последовал второй, а секунду спустя и третий выхватил свой меч из ножен. Рыжего незнакомца, однако, это ничуть не напугало. Спокойно и неторопливо достал он из хлипких тряпичных ножен, висевших на боку, какую-то черную корягу, похожую на обломок посоха, и наставил ее на рассвирепевших бражников.

Затем, все так же спокойно и неспешно, надавил большим пальцем на небольшую выпуклость на боку посоха. И тут что-то случилось. Три белых всполоха ярко сверкнули в хмельном, темном воздухе кружала, и все три бражника повалились на пол, превратившись в обугленные головешки и не издав ни звука, – лишь их мечи лязгнули об дубовые доски пола.

– Все на пол! – крикнул рыжий незнакомец. – Быстро!

Бражники, сидевшие за столом, посыпались на пол, закрывая головы ладонями и бормоча заклинания-обереги против злых духов.

Рыжий незнакомец покосился на Озара и спросил:

– Сколько я должен тебе за воду, здоровяк?

– Ты ничего мне не должен, – проговорил Озар костяным голосом.

Незнакомец усмехнулся:

– Я так и думал. Прости, что намусорил у тебя в заведении. Убирать не стану.

Рыжий повернулся к двери, чтобы идти, но тут Озар не выдержал и спросил:

– Ты чародей?

Оборванец остановился, взглянул на Озара холодным, насмешливым взглядом и сказал:

– Я-то? Пожалуй, да. А что, чародеи у вас тут часто встречаются?

Озар покачал головой:

– Нет. Ты второй чародей, которого я вижу воочию.

Рыжий усмехнулся и хотел что-то сказать, но тут взгляд его наткнулся на женщину, одетую в черное, сидевшую в нише за толстыми дубовыми стойками, и прикрывшую ладонью глаза маленькому темноволосому мальчику.

– Эй, ты! – окликнул он женщину. – Как тебя зовут?

– Евдокия, – ответила женщина.

Лицо его было сурово и напряжено. Рыжий незнакомец усмехнулся и сказал:

– А меня Рах. Ты не бойся, обычно я смирный. – Он перевел взгляд на мальчика. – Это твой сын?

– Да, – ответила Евдокия.

– Ясно. – Рах обежал взглядом стройную, высокогрудую фигуру Евдокии и дернул уголками губ. – А ты красивая, – сказал он вдруг. – Но черный платок тебе не идет. Хочешь пойти со мной?

Проповедница побледнела и разомкнула губы, чтобы ответить, но тут мальчик оторвал от своих глаз ее ладонь и уставился на рыжего Раха. Рах встретился с мальчишкой взглядом и вдруг замер с открытым ртом.

Несколько мгновений мальчик и рыжий незнакомец смотрели друг другу в глаза, и вдруг рыжий стал тихо пятиться и испуганно вжимать голову в плечи, словно увидел перед собой не мальчика, а ужасное чудовище.

Рука рыжего дрогнула, и он вновь потянулся за своим черным посохом. Озар уловил его движение, нахмурился и вдруг одним тяжелым прыжком перемахнул через стойку, с грохотом

приземлился на половицы и быстро обхватил рыжего чародея сзади, не позволив ему достать посох.

– Бегите! – крикнул он Евдокии.

Проповедница вскочила с лавки, схватила мальчишку за руку и бросилась к двери. Рыжий чародей бился и чертыхался в медвежьих объятьях Озара, но тот держал крепко. Бражники продолжали лежать на полу и бормотать заклинания, с ужасом поглядывая на обугленные останки своих собутыльников.

Евдокия распахнула тяжелую дверь и выбежала с мальчишкой на улицу. Кружало за ее спиной наполнилось грохотом и криками боли и ужаса.

Проповедница подхватила мальчишку на руки и швырнула его в крытую сеном и рогожей телегу, на которой восседал сонный мужик в дырявой шапке. Мужик вздрогнул и с изумлением воззрился на Евдокию.

– Матушка, что...

– Гони, Матвей! – крикнула Евдокия и запрыгнула вслед за мальчиком на телегу. – Гони же!

От ее ужасного крика сонливость разом слетела с опухших век Матвея. Встрепенувшись, он яростно хлестнул лошадку по крупу и завопил:

– Н-но, пошла!

Лошадка встрепенулась так же, как возчик, и, резко взяв с места, суетливо зацокала копытами по утопанной земле, стремительно покотив телегу на большак.

– Пошла! – подгонял лошадку Матвей. – Пошла, доходяга!

Телега выскочила на большак и, подняв серые облака пыли, стала быстро удаляться.

Из кружала выскочил рыжий оборванец. Одежда его была залита кровью, а глаза дико вращались. Он наставил на уезжающую телегу свой посох и подвинул палец к выпуклости на его боку, но затем вдруг передумал и убрал палец. Пристально посмотрев вслед уезжающей телеге, он опустил свой смертоносный амулет и с усмешкой проговорил:

– Еще увидимся, щенок.

Затем сплюнул себе под ноги, повернулся и снова зашагал к кружалу.

Войдя в кружало, рыжий чародей застал все ту же картину – перепуганные охоронцы лежали на полу, прикрыв головы руками, а Озар за стойкой, сдвинув брови, мрачно тарасился на дверь.

Подойдя к стойке, рыжий незнакомец остановился и пристально посмотрел Озару в глаза. Затем спросил:

– Ты меня боишься?

– Да, – тихо проговорил Озар.

Рыжий усмехнулся.

– Правильно делаешь. По-хорошему, мне следовало бы тебя убить. Но ты мне нравишься. В отличие от трусливых скотов, прячущихся под столом, ты человек.

Озар молчал. Лицо его было непроницаемо спокойно, но на широком лбу выступила испарина.

– А теперь отвечай, – продолжил рыжий чародей, – ты хочешь, чтобы я сохранил тебе жизнь?

– Да, – тихо пробормотал Озар.

– Я не расслышал.

– Да! Хочу!

На узких губах незнакомца вновь появилась усмешка.

– Молодец, – похвалил он. – Теперь ты закроешь свое заведение на замок, я сяду на лавку, и ты мне подробно обо всем расскажешь.

– О чем я должен тебе рассказать? – тихо спросил Озар.

– Обо всем. Я первый день в этом городе и ничего о нем не знаю. Не хотелось бы попасть впросак. А пока ты не начал, налей-ка мне чего-нибудь выпить.

4

В чисто выметенной горнице с белеными стенами было еще светло, несмотря на то что солнце за окном стремительно заваливалось за черные вершины деревьев.

Матушка Евдокия отложила нож и отрезанный ломоть хлеба, чтобы накрыть мальчика одеялом и заботливо подоткнуть его со всех сторон.

– Чего ты его кутаешь, матушка? – проворчала старая Марфа, сидя с вязаньем на лавке, укрытой стареньким драным кафтаном. – В горнице и так жарко.

– Тебе жарко, а ему, может быть, холодно, – ответила проповедница. Она наклонилась к ребенку, взгляделась в его бледное лицо и тихо проговорила:

– Мальчик. Мальчик, посмотри на меня.

Тот не отозвался и не взглянул на Евдокию. Темные глаза его подернулись туманом рассеянности.

– Мальчик, мальчик, – снова проворчала из своего угла старая Марфа. – Назови его уже как-нибудь, матушка.

Евдокия покачала головой:

– Нет, Марфа. Я не знаю, какое имя ему дали при рождении. Что, если он крещен? Я не язычница, чтобы отваживать злых духов ложными именами.

– Негоже ребенку быть без имени, – упрямо повторила старуха, шевеля спицами. – Раз есть человек, значит, должно быть и имя. Это богоугодно.

Евдокия поморщилась.

– Ах, Марфа, оставь. – Она снова взгляделась в лицо лежащего мальчика, на этот раз еще тревожней, чем прежде. – Что с тобой, милый? Тебе плохо? Скажи мне, что у тебя болит?

– Ничего у него не болит, – проворчала старая Марфа. – Притворяется, чтобы ты дала ему варенья или меду.

– Этот мальчик не любит варенье.

– Все дети любят варенье, – возразила старая Марфа. – А он просто притворяется, что не любит. Только отвернись – миг утащит туес.

– Зачем?

– Как зачем? Да из хитрости. Знаю я таких хитрецов. С ними нужно держать ухо востро.

Матушка Евдокия вздохнула и задумчиво взгляделась в лицо мальчишки. Лицо это было спокойно и почти безмятежно. Однако на лбу прорезались тонкие, едва различимые морщинки заботы.

– Хотела бы я знать, о чем он думает, – с тихим вздохом проговорила Евдокия.

Несколько секунд она молчала, затем повернулась к Марфе и сказала:

– Сегодня в «Трех бурундуках» у Озара Снопа мы видели чародея.

Старуха пожала тощими плечами:

– Ничего удивительного. Нынче их много бродит по горам да весям.

– Там были какие-то ратники. Они пристали к нему, и он их убил.

– И это тоже не новость, – равнодушно отозвалась старая Марфа. – В кружалах каждый день кого-нибудь убивают. Не иначе бесы куражатся. Не ходила бы ты туда, матушка.

– Я ведь днем. И сбить у Озара такой вкусный – как тут устоишь?

– Все равно.

Евдокия протянула руку и положила ее на бледный лоб мальчика.

– Странно, – тихо проговорила она. – Жара нет. Марфа!

– Чего еще?

– Нужно звать лекаря Елагу. Побудь с мальчиком, а я съезжу за ним.

– В своем ли ты уме, матушка? Лекарь Елага берет плату серебром и не лечит босяков да голодранцев.

– Мы не босяки, – сказала Евдокия.

Старая Марфа кивнула.

– Точно. Мы голодранцы. Артельщикам, что строят храм, за две седмицы не плачено. Скоро они от тебя уйдут.

– Уйдут – закончим работу сами. У нас большая община.

– Большая? – Марфа усмехнулась. – Два десятка человек, из которых больше половины – бабы да старухи, а оставшиеся – немощные бродяги.

– Господь поможет нам, – сказала Евдокия. – Пригляди за дитем, а я обернусь за полдня.

Проповедница встала со скамьи, поправила платок и зашагала к выходу.

Как только дверь за Евдокией закрылась, старая Марфа преобразилась. Она положила вязание на стол и взглянула на дремлющего мальчика с такой ненавистью, какую даже невозможно было предположить в столь хрупком и морщинистом существе.

– Ну, что, бесенок? – хрипло проговорила Марфа. – Не дал тебе Господь покуражиться? Приковал к постели?

Мальчик молчал, глаза его были по-прежнему закрыты.

– Дьяволово отродье, – проговорила Марфа, сжав тощие пальцы в кулаки. – Нешто думаешь, я не знаю, откуда ты к нам пришел? Это ее ты можешь обманывать, а меня не обманешь.

Мальчик и на этот раз не откликнулся.

– Ничего... – проговорила тогда Марфа, чуть шепелявя подрагивающими губами. – Ничего... Господь поможет мне.

Хрустнув старческими артритными суставами, Марфа тяжело поднялась с кресла и медленно двинулась к кровати, на которой лежал мальчик.

Проходя мимо стола, старуха, не глядя, сгребла с него нож, которым Евдокия резала хлеб, и двинулась дальше.

– Меня не обманешь, – хрипло шептала она. – Я отправлю тебя обратно в ад, бесенок. Пусть твой отец-дьявол прожжет меня молниями, но я успею расправиться с тобой. Господь на моей стороне.

Подойдя к кровати, Марфа остановилась. Пристально вгляделась в бледное лицо мальчишки, затем обхватила рукоять ножа обеими тощими руками и стала медленно поднимать нож над головой.

– Господи Иисусе, помоги мне расправиться с бесом... – бормотала она дрожащим голосом. – Дай мне силы для битвы... Будь со мной... Я всего лишь оружие в руках твоих...

И тут мальчик открыл глаза. Встретившись с ним взглядом, Марфа затряслась и смертельно побледнела, будто из нее внезапно выпили всю кровь. Тонкие морщинистые губы ее обвисли, нож выпал из разжавшихся пальцев и со стуком упал на пол, а вслед за ним на пол повалилась и сама старуха.

– Господи... – прохрипела она, силясь приподнять голову и скосив выпученные глаза в сторону кровати, на которой лежал мальчик. – Не оставь меня в своей благода...

Слова застряли у Марфы в глотке, глаза закатились под веки, и тощая голова стукнулась об пол.

Глава вторая

1

Матушка Евдокия и лекарь Елага, седой, осанистый, хорошо одетый, вышли из избы на улицу.

– Спасибо тебе, Елага-лекарь, – горестно проговорила Евдокия. – Не думала я, что тебе придется лечить и Марфу.

– Марфу уже не вылечишь, – ответил седовласый лекарь. – После удара она не оправится. Придется тебе искать человека, который будет за ней ухаживать.

– У нас большая община. Найдется кому за ней посмотреть.

– Это хорошо.

Они остановились у богатой, расписной телеги лекаря Елаги. Проповедница сдвинула брови и сказала:

– Мы уже на улице, как ты и хотел. Теперь ты можешь сказать, что за хворь напала на мальчика и чем мне его лечить?

Лекарь тоже нахмурился.

– Мальчику твоему лекари не помогут, – тихо сказал он. – Уж прости.

Лицо матушки Евдокии оцепенело.

– Не понимаю... – рассеянно проговорила она. – О чем это ты толкуешь? Нешто его хворь нельзя лечить? Ты только скажи, чем – а я достану.

– От его хворобы нет лекарства, – сказал Елага. – Не в теле коренится хвороба его, а в душе.

– В душе? – вскинула красивые брови Евдокия. – Хочешь сказать, что его душа больна?

– Больна. Его съедает не паразит и не влага земная, а тоска. Коли до причины той тоски не дознаешься, мальчик зачахнет и умрет.

Матушка Евдокия нахмурилась.

– Елага, – тихо проговорила она, – я слышала, что ты лучший лекарь в Хлынь-граде. Неужто это все, что ты можешь сказать? Неужто не присоветуешь никакого снадобья?

Елага наморщил лоб.

– Еще раз говорю тебе, Евдокия, против хвори этого мальчика нет снадобий. Я бы мог обмануть тебя и вытянуть из тебя последние деньги, но не стану этого делать.

С полминуты проповедница стояла молча, хмуря брови и о чем-то размышляя, затем достала из кармана платья крохотный кошель и ослабила тесьму.

– Вот. – Она протянула лекарю несколько медных монет.

– Что это? – нахмурился Елага.

– Деньги.

Лекарь покачнул головой и сказал:

– Убери это.

– Почему?

– Пять лет назад был я в отъезде, а сын мой заболел. Баба моя побежала к лекарю Сновиду, чтобы тот помог. Но кошель с деньгами был при мне, а она осталась дома без единой медяшки. Сновид отказался помочь, и мой сын умер.

Елага вздохнул и продолжил:

– Мне пора, матушка Евдокия. Запомни, что я тебе сказал, и не требуй от лекаря большего, чем он может сделать. Тут скорее поможет шаман или колдун.

Лекарь двинулся к телеге.

– погоди, Елага, – окликнула его проповедница.

Лекарь остановился и обернулся.

– Я хотела спросить... Сновид по-прежнему живет с тобой по соседству?

Лекарь качнул седовласой головой:

– Нет. В прошлую зиму он захворал, а во всей округе не нашлось никого, кто смог бы ему помочь.

– Ты был в отъезде?

Елага покачал головой:

– Почему? Нет. Я был дома. Прощай, матушка.

И седовласый лекарь зашагал к телеге.

Пока он садился в телегу, и пока телега отъезжала от недостроенного храма, Евдокия все стояла и глядела ему вслед. Лицо ее было еще суровее, чем обычно, на чистом лбу прорезались едва заметные морщинки, а плотно сжатые губы побелели.

Сколько ужасов за один день, Господи! Сперва бойня в кружале у Озара. Потом, спустя час после возвращения, слег в постель мальчик. Теперь вот Марфа... И лекарь... О Елаге говорят, что он лучший в своем деле, и что же получается? Мальчик болен, а лекарь отказался лечить. Видано ли такое?

Сердце матушки Евдокии сжалось. Благо хоть Озар остался жив. Чужеземный чародей по своей странной, непостижимой простому уму прихоти пощадил его – об этом Евдокия узнала от одного из нищих бродяжек. Это была единственная хорошая весть за весь этот долгий, страшный день, который, несмотря на то что тени давно удлиннились, а небо выцвело и потемнело, никак не хотел заканчиваться.

Расписная телега Елаги прогромыхала по ухабам и скрылась за недостроенным остовом храма. Евдокия вздохнула, повернулась и, уныло опустив голову, побрела к дому. Что еще преподнесет ей этот тягучий, как кошмарный сон, день?

– Господи Иисусе, прости и помилуй меня, грешную, ниспошли выздоровление отроку, коего я пригрела, – прошептала она, истово перекрестилась и с тяжелым сердцем переступила порог избы.

2

Но не усидела Евдокия дома. Не смогла, не вынесла. Мальчику после ухода лекаря стало еще хуже – теперь его изможденное личико было так бледно и тенисто, что более приличествовало мертвецу, нежели живому человеку. Лоб его был холоден, как лед, а губы – обескровлены и белы, будто у голодного стригоя.

Устав от душевных переживаний, Евдокия сама отнесла мальчишку на телегу, сама, не дожидаясь запропавшего где-то возчика Матвея, взяла в руки поводья и сама направила лошадку за торжок к единственной вещунье, о которой она не слышала ни одного худого слова.

И вот она уже у Голицы. Голица – баба дородная, румяная, в белом кружевном чепце – смотрит на Евдокию удивленно, но без вражды.

– Не думала, что когда-нибудь увижу тебя здесь, Евдокия. – Голос у Голицы чистый и звонкий, а руки, лежащие на старательно выскобленной столешнице, нежны и мягки, как поднявшийся хлеб. – Чего в глаза не смотришь, матушка? Али вину за собой какую знаешь?

– Ни в чем я перед тобой не виновата, вещунья. И виниться не собираюсь.

– Вот как? Зачем же тогда пожаловала?

Евдокия вздохнула и как-то вся обмякла, потускнела, будто со вздохом этим из ее стройного молодого тела улетучились остатки сил.

– Несколько месяцев назад к нашей общине прибился мальчик, – произнесла она. – Сейчас он болен и лежит в моей телеге. Я вызывала лекаря Елагу, но он сказал, что ничем не сможет помочь.

– И тогда ты вспомнила обо мне?

Евдокия кивнула:

– Да.

Голица чуть склонила голову набок и пристально вгляделась в лицо гостьи своими бледно-голубыми, почти бесцветными, глазами.

– Что же твой плачущий бог не поможет тебе советом? – спросила она спокойно, без тени насмешки или издевки.

Проповедница побледнела и медленно поднялась с лавки.

– Прости... – вымолвила она. – Я пойду.

– Погоди, – остановила ее Голица и прищурила прозрачные глаза. – В спешке правды нет. Сядь. Сядь, говорю!

Евдокия снова опустилась на лавку. Голица улыбнулась улыбкой столь же светлой и прозрачной, как ее глаза, и неспешно, мягко проговорила:

– Не обижайся, Евдокия. Я не хочу ссориться ни с тобой, ни с твоим богом. Где мальчик?

– Лежит в телеге, – ответила матушка Евдокия. – Хочешь, чтобы я принесла его?

Она уже хотела подняться, но вещунья накрыла ее руку своей мягкой, белой ладонью и распорядилась:

– Сиди. Мой слуга это сделает. Валуй! – окликнула она.

В горницу вошел крепкий мужик в грубой, застиранной до ветхости рубахе.

– В телеге лежит мальчик. Принеси его сюда и положи на топчан.

Мужик повернулся и вышел из горницы. Голица вновь, еще внимательнее, чем прежде, взглянула на Евдокию.

– Хотела тебя спросить, матушка... Я слышала, ваш бог запрещает людям заглядывать в будущее. Правда ли это?

– Будущее уже предрешиено, – сказала проповедница, не глядя вещунье в глаза. – Для всех.

– И что же со всеми нами будет?

– Высший судия придет судить людей. И каждому воздастся по заслугам его.

Голица задумалась.

– Это было бы справедливо, – сказала она после раздумий. – Но ничего этого не будет. Боги помогают только сильным.

– Мой Бог жалеет слабых и увечных, и сам открывает пред ними двери в царствие свое, – возразила Евдокия.

Голица усмехнулась:

– Что же это будет за царство, коли в нем станут жить только слабые да увечные?

– Царство добра, – спокойно ответила Евдокия. – В том царстве не останется лютости и несправедливости, и людям не будет нужды лить слезы.

Голица посмотрела на гостью мягким, лучистым взглядом, вздохнула и проговорила:

– Хотела бы я жить в таком царстве, матушка Евдокия. Но, боюсь, не доведется. Да и как сотворить такое царство?

– Просто, – ответила проповедница. – Коли вспомним, что мы люди, а не звери, так дело сразу пойдет на лад. Учение Христа потому и открыто всем до единого, что задает простые задачи. Занес руку для удара – опусти ее. Сжал кулак – разожми. Держи свой меч в ножнах, а ножны – в погребке. Коли все будут так поступать, то и сделается для всех благоденствие.

– Где ж это видано, чтобы людишки перестали драться? – усомнилась Голица. – Человеку только одного и надо: чтобы ближнему хуже жилось, чем ему. Даже если и злобы к нему не имеют, то все равно завидуют. А от зависти единый шаг до ненависти. Как тут за меч не взяться?

– Гнев – он ведь словно огонь. Возьми воду и залей. Источник с водой рядом.

Голица внимательно взгляделась в лицо Евдокии и усмехнулась.

– Нравится мне твой Бог, матушка, но уж больно он простодушен. Его учение не для нашего мира.

В горницу вошел Валуи с мальчиком на руках. Прошел к топчану и неуклюже опустил мальчишку на соломенный тюфяк, неловко подогнув ему ноги.

– Осторожнее, леший! – сердито окликнула его Голица. – Ногу-то не зажми!

Валуи поправил мальчишке ногу. Затем выпрямился и выжидающе посмотрел на вешунью.

– Ступай теперь, – распорядилась она. – Но далеко не уходи, скоро позову.

Валуи кивнул и вышел из избы. Голица и Евдокия поднялись с лавок и подошли к топчану. Рядом они смотрелись странно. Матушка Евдокия – высокая, тонкая, угловатая, с худым красивым лицом, вся закутанная в темную ткань. Голица – приземистая, ширококостная, в светлом чепце и светлом платье, медлительная до томности.

Вешунья склонилась над мальчиком и всмотрелась в его землисто-бледное лицо. Затем выпрямилась, чуток помолчала и сказала:

– Лекарь не обманул, твой мальчик очень хвор. И хворь его не в теле, а в душе. Душа его – как смятый цветок, брошенный в темный чулан, где нет лучика света.

Евдокия подалась вперед.

– Что это значит, Голица? – взволнованно спросила она.

Вешунья нахмурилась и четко проговорила:

– Он что-то оставил.

– Где?

– Там, откуда пришел.

Несколько мгновений Евдокия изумленно смотрела на Голицу, потом горько усмехнулась и качнула головой.

– Нет, вешунья, это невозможно. Для него нет дороги назад, ибо путь его лежал через Гиблое место.

Голица внимательно взглянула на матушку Евдокию и спросила, не скрывая любопытства:

– Это он сам тебе рассказывал?

Проповедница слегка стушевалась.

– Я слышала, как он бредит по ночам, – призналась она. – И в бреду своем он постоянно толковал о страшной чащобе, в которой бродят чудовища.

– Вот оно что. – Голица вновь перевела взгляд на мальчика. Тот все так же неподвижно лежал на топчане и смотрел в потолок безразличным взглядом. Личико его было бледным, как полотно, кончик носа заострился, а под темными глазами пролегли фиолетовые тени.

– Странно это все, – сказала Голица после долгой паузы. – И странный это мальчик. Пыталась я заглянуть в его прошлое, Евдокия, но увидела там одну лишь тьму. Но самое страшное, что и в будущем его – такая же тьма. И это сильно меня тревожит.

Лицо Евдокии стало растерянным.

– Что же мне теперь делать? – проговорила она тусклым голосом. – Лекарь Елага тоже говорил, что снадобьями мальчика не излечишь. Чем же мне его лечить?

– Ежели хочешь для него добра, не жалея и не заботясь о нем, а положи его на телегу и отвези туда, откуда прибыл.

Лицо матушки вытянулось от изумления.

– Ты говоришь о Гиблом месте? – не поверила она своим ушам.

Голица кивнула:

– Да.

– Ты в самом деле хочешь, чтобы я отнесла его в чащобу, кишашую темными тварями?

– Этого хочу не я, – спокойно ответила Голица. – Этого хотят боги. Если ты оставишь его здесь, мальчик умрет через несколько дней.

Голица вдруг взяла со стола нож и потянулась к мальчику. Евдокия схватила ее за руку и испуганно воскликнула:

– Ты что!

– Не бойся, – сказала Голица. – Я не сделаю ему плохого.

Евдокия нехотя отступилась. Вещунья поддела пальцами прядку волос на голове мальчика и аккуратно срезала ее ножом. Затем поднесла прядку к горящей лучине.

Прядка вспыхнула, и Голица бросила ее на глиняную тарелку. Подождала, пока волосы прогорят, затем собрала пепел, взяла с полки какую-то круглую деревянную штуку, ковырнула ее пальцем и сунула в получившуюся щелку пепел. Затем протянула штуковину Евдокии и сказала:

– Это лешья указка. На иголку наткнута стрелка из кошачьей кости. Она укажет, куда идти.

Евдокия взяла штуковину и поднесла к глазам. Это была небольшая глубокая чаша, посреди которой колыхалась на железной игле костяная стрелка.

– Подожди, пока она остановится, – велела Голица. – Да сама не шевелись.

Дрогнув еще пару раз, стрелка замерла. Проповедница нахмурилась и взглянула на вещь:

– Стрелка указывает на Гиблое место?

Голица кивнула:

– Да.

– Сколько же нам идти?

– Этого я не знаю. Но ежели ты не отвезешь мальчишку туда, куда ему нужно, он скоро умрет. Тебе решать.

Евдокия помолчала, обдумывая слова Голицы, потом вздохнула и сказала:

– Благодарю тебя за помощь, Голица. Сколько я тебе должна за эту вещь?

– Нисколько, – ответила вещунья.

– Но...

Голица усмехнулась:

– Просто помолись за меня своему доброму богу. И скажи ему, что я не так плоха, как он про меня думает.

3

Выйдя в отставку, воевода Видбор уже не носил шлем и броню, заменив их на шерстяную стеганку, серый суконный плащ и шапку замысловатого покроя. Но благодаря горделивой осанке, твердому взгляду и богатырскому сложению даже в этом одеянии он выглядел настоящим ратником.

Рыжеватую бороду, тронутую кое-где сединой, Видбор стриг теперь коротко – очевидно, для того, чтобы казаться моложе своих лет.

– Здравствуй, Евдокия! – с улыбкой поприветствовал он проповедницу и спешил с могучего коня.

– Здравствуй, воевода Видбор! – улыбнулась и Евдокия.

Видбор выпростал из-под плаща руку и протянул матушке берестяную коробочку.

– Это что? – вскинула брови Евдокия.

– Подарок, – пробасил Видбор.

– И что там?

– Открой и посмотри.

Проповедница взяла коробочку, откинула крышку и достала нечто разноцветное, нежное, мягкое, как крыло бабочки.

– Платок? – удивилась Евдокия.

Видбор кивнул:

– Да.

Проповедница улыбнулась и покачала головой.

– Видбор, я ношу черный платок не потому, что у меня нет других. Мой черный платок – это знак того, что я отрешилась от этого мира с его соблазнами. Я ведь уже говорила тебе, что хочу стать невестой Иисуса.

– Разве женщина может стать невестой бога? – усомнился воевода Видбор. – Никогда не слышал, чтобы девки набивались в жены к Сварогу или Перуну.

Евдокия нахмурилась. Видбор заметил это и поспешно проговорил:

– Прости, Евдокия. Я, должно быть, слишком глуп, чтобы толковать о таких вещах. Я двадцать пять лет был ратником и отвык от обычной людской жизни. Теперь мне приходится многому учиться заново. Ты обещала прогуляться со мной в роще, помнишь?

– Не совсем так. Я обещала, что расскажу тебе о страстях Христовых.

Видбор покраснел.

– Прости, если я опять сморозил глупость, – смущенно произнес он.

Несколько секунд матушка Евдокия разглядывала богатыря, потом засмеялась.

– На тебя совершенно невозможно сердиться, Видбор. И ты тоже – не обижайся на меня. На самом деле, я ждала тебя.

– Правда? – вскинул брови воевода, и в голосе его послышалось тщательно скрываемое волнение.

Евдокия кивнула.

– Да. Мне нужна твоя помощь.

Глаза пожилого ратника блеснули.

– Я сделаю все, что ты скажешь, Евдокия, – пробасил он. – Клянусь Перуном.

– погоди, – остановила его проповедница. – Сперва послушай, а потом будешь клясться. Помнишь мальчика, который прибил к нашей общине?

– Конечно. В последнее время ты заботаешься о нем больше, чем о храме.

Евдокия поморщилась от его слов, и Видбор снова виновато нахмурился.

– Он, кажется, был не совсем здоров? – смиренно проговорил воевода.

– Он и теперь нездоров. Но хворь его усугубилась.

– И что я могу для него сделать? Если тебе нужен хороший лекарь, я сей же час...

Евдокия нетерпеливо качнула головой:

– Нет, Видбор. Лекари ему не помогут. Сегодня утром я возила мальчика к повитухе-вещунье Голице.

– Что? Ты ходила к Голице? Но ты ведь сама говорила, что вещуньи и ведуны противны твоему богу.

– Я вынуждена была это сделать, – с горечью пояснила Евдокия. – Я поступилась своими убеждениями ради мальчика, Видбор. Теперь я хочу, чтобы ты поступился своими.

Видбор посмотрел на проповедницу удивленно.

– О каких убеждениях ты говоришь, Евдокия? Клянусь, я сделаю все, что ты скажешь.

Евдокия прищурила зеленовато-карие глаза и сказала:

– Ловлю тебя на слове, Видбор. Помнишь, ты рассказывал мне, что ходил в Гиблое место?

По обветренному лицу воеводы Видбора пробежала тень.

– Да, – подтвердил он, сдвигая брови. – Я ходил туда. Но это было один раз. А почему ты спрашиваешь? – повторил он.

– Раз ты был там один раз, значит, сможешь пойти туда и во второй. Верно?

Видбор усмехнулся и качнул головой.

– Не думаю. В прошлый раз я едва унес оттуда ноги. А почему ты спрашиваешь? – повторил он.

– Вещунья Голица сказала, что мальчик умрет, если я не отведу его в Гиблое место. Я переговорила со всеми ходоками, которых знаю или о которых слышала, но ни один из них не взялся проводить меня в Гиблое место. И тут я вспоминал о тебе, Видбор. – Евдокия положила длинные, тонкие пальцы на могучее предплечье воеводы и заглянула ему в глаза. – Проводи меня и мальчика в Гиблое место.

Видбор взглянул на пальцы матушки и нахмурился.

– Евдокия... – проговорил он, тяжело, будто с трудом, ворочая языком. – ...Ты не понимаешь, о чем просишь. Я еще не настолько очерствел сердцем, чтобы губить тебя.

– Видбор, мальчик умрет, если мы не сделаем этого!

– Ты ошибаешься. Гиблое место не несет людям избавления, оно несет только смерть.

Евдокия прищурилась.

– А как же пробуди-трава, которую Первоход принес княжне Наталье и которая исцелила ее от смертельной немощи?

– Это все вранье.

– А что, если нет? Я пойду в Гиблое место, Видбор. С тобой или без тебя. Так каков будет твой ответ?

– Мой ответ будет «нет!», – отчеканил Видбор. – И лучше тебе совсем об этом забыть.

Проповедница долго молчала, кусая губы. Наконец, заговорила:

– Хорошо... Тогда я снова поищу среди ходоков. Кто-нибудь из них согласится мне помочь.

– Нынче мало ходоков, – возразил Видбор угрюмым голосом. – Те из них, которые решаются пойти в Гиблое место, берут за это огромные деньги серебром и золотом. У тебя нет таких денег.

– Я могу продать усадьбу отца! – порывисто заявила Евдокия.

– Это не поможет, – сказал Видбор. – Болото подступило к твоей усадьбе вплотную, и нынче она ничего не стоит.

Щеки Евдокии вспыхнули.

– Что ж, тогда я пойду одна! – выдохнула она дрожащим от негодования голосом.

– Не зная дороги, ты заблудишься в лесу, – вновь возразил Видбор. – Погубишь и себя, и мальчика.

Кровь отлила от щек матушки Евдокии, зеленовато-карие глаза блеснули недобрым светом, и она выпалила:

– Уходи, Видбор. Не хочу тебя больше видеть!

– Что? – не поверил воевода своим ушам.

– Уходи! – гневно повторила Евдокия. – Убирайся! И больше не показывайся мне на глаза!

Видбор открыл рот, затем снова закрыл его, с усилием сглотнул слюну и тяжело выговорил:

– Вот, значит, как. Ты выгоняешь меня из-за того, что я отказался тебя погубить. Что ж... – Он нахлобучил на голову шапку и повернулся к коню.

– Убирайся! – выкрикнула ему вслед матушка Евдокия, потрянув маленькими кулаками. – И забудь дорогу к моему дому!

Видбор молча сел на коня. На проповедницу он больше не смотрел. Да и Евдокия не стала ждать, пока он уедет со двора, не махнула, как обычно, рукой, не проводила добрым взглядом, но резко повернулась и быстро зашагала к избе.

– Глупая девчонка, – с досадой произнес Видбор, глядя на удаляющуюся стройную фигурку, закутанную в черное платье. – Даром что проповедница... В голове сущий ветер.

Он досадливо крикнул, повернул коня и направил его к большаку.

4

С наступлением сумерек жизнь в Порочном граде ожила. По узким улочкам, отделяющим кружала от срамных домов, сновали купцы и пьяные бродяги. Время от времени в игровых домах, где шла бойкая и шумная игра в кости и в карточки, открывались двери, и охранники вышвыривали очередного проигравшегося в пух и прах игрока.

Высокий рыжеволосый человек спрыгнул с телеги и швырнул возчику медную монетку.

– Выпей за мое здоровье, приятель!

– Отчего ж не выпить – выпью, – пообещал возчик, вновь взялся за поводья и тронул телегу с места.

Рыжеволосый огляделся и негромко изрек:

– Все-таки в дерьме что-то есть, ведь миллионы мух не могут ошибаться.

Он поправил на поясе чехол с торчащей из него черной ручкой выжигателя и зашагал к самому большому кружалу. Походка его была легка и бесшумна, словно у хищного зверя. Да и во внешности его было что-то звериное. Рыжая щетина так густо покрывала щеки, что напоминала стриженую шерсть. Лицо, узкое и худое, было вытянуто вперед, и нос с выпяченной верхней губой слегка напоминали звериную морду.

Войдя в кружало и услышав завывание рожков, гул голосов и грохот сдвигаемых кружек, рыжеволосый улыбнулся, словно попал в родную стихию.

– Эй, братец! – окликнул он целовальника.

Тот подошел, окинул рыжего безразличным взглядом и спросил:

– Чего подать?

– А чего есть?

– Олус, березовица, брага, квас, сбитень, водка...

– Водку, – оборвал перечень целовальника рыжий. – Дай мне стопку водки.

Целовальник небрежно поставил на деревянную стойку оловянный стаканчик и плеснул в него водки из оловянного кувшинчика. Рыжий взял стаканчик, выдохнул через плечо, затем резко выпил и хлопнул стаканчиком об стойку.

– Уф-ф... – сипло проговорил он. – Дрянь, конечно, но бодрит. А теперь скажи мне, братец, где тут у вас начальство?

– Чего? – не понял целовальник.

– Ну, где тут у вас самый главный?

– Ты про Крысуна Скоробогата?

– Если он главный, то про него.

Целовальник приосанился и произнес голосом торжественным, почти благоговейным:

– Господин наш Крысун располагается наверху, в своих покоях.

– Ну да, – кивнул рыжий незнакомец и криво усмехнулся. – Где ж ему еще и быть, как не наверху. Начальство всегда забирается на самую верхотуру. – Рыжеволосый подмигнул целовальнику, швырнул на стойку монету и зашагал к лестнице.

Целовальник повернулся в сторону начальника Избора, беседующего о чем-то у двери с группой охоронцев, и тихонько свистнул. Когда начальник Избор подошел к стойке, целовальник указал ему на рыжего и сказал:

– Вон тот спрашивал про Крысуна.

Избор взглянул на удаляющуюся спину незнакомца.

– Ждан! Липа! – окликнул он своих людей, резко повернулся и зашагал за незнакомцем.

Два охоронца быстро последовали за ним.

Рыжий ступил ногой на ступеньку, намереваясь подняться наверх, но охоронцы догнали его и преградили ему путь. Избор, подошедший сзади, положил руку на плечо незнакомцу и холодно поинтересовался:

– Далеко навострился, парень?

Рыжий глянул на него, перевел взгляд на охоронцев, снова оглянулся на Избора и сухо спросил:

– Может, уберешь лапу с моего плеча, здоровяк?

– А то что?

Рыжий пару мгновений пристально смотрел в глаза Избору, затем с явным усилием улыбнулся и сказал:

– Я не хочу ни с кем ссориться, здоровяк. Просто проводи меня к Крысуну Скоробогату.

– Зачем он тебе?

– Хочу предложить ему выгодное дельце.

– Что это за дельце?

– Извини, здоровяк, но тебя это не касается, – ответил рыжий незнакомец и посмотрел на Избора спокойным, небоязливым взглядом.

Избор оценил этот взгляд.

– Стой здесь, – сказал он, обошел рыжего незнакомца и зашагал наверх.

Незнакомец посмотрел ему вслед, затем подмигнул охоронцам и с усмешкой заявил:

– Здоровый у вас начальник, ребята. А взгляд – прямо насквозь прожигает. Я чуть не обделался от страха.

Охоронцы ничего на это не сказали.

Вскоре начальник вернулся.

– Ступай за мной, – коротко приказал он, повернулся и снова пошел наверх.

Рыжеволосый зашагал за ним. У двери, ведущей в покои Крысуна, начальник вновь остановил его и дал знак охоронцам. Один из них приставил к груди незнакомца острие меча, а другой быстро и умело обыскал его.

Пока происходил обыск, рыжеволосый стоял молча и ухмылялся – не дерзко и бесстрашно, а скорее насмешливо, словно все происходящее жутко его забавляло. Лишь раз он позволил себе заговорить – когда один из охоронцев попытался забрать у него висевшие на поясе ножны с какой-то черной деревяшкой.

– Э, нет, – сказал он и положил руку на деревяшку. – С этим я не расстанусь. Это мой личный оберег.

Охоронец взглянул на своего начальника – тот небрежно кивнул: можно.

Когда обыск был закончен, охоронец грубо толкнул гостя в спину.

– Иди.

Начальник, ухватившись за толстое чугунное кольцо, открыл дубовую дверь, прошел сам и чуть посторонился, впуская рыжеволосого гостя в покои самого могущественного купца княжества – Крысуна Скоробогата.

Шесть охоронцев, стоявших у двери, хмуро взглянули на вошедшего. Тот усмехнулся и весело спросил:

– А где хлеб-соль?

Человек, сидевший в глубине комнаты, на высоком и широком троне, обложенном бархатными подушками и мягкими коврами, отнял руку от лица, рассеянно взглянул на гостя и сипловато приказал:

– Ближе.

Двое охоронцев взяли гостя под руки и повели к трону. Вблизи Крысун Скоробогат оказался высоким, тощим и кадыкастым мужчиной с хилой темной бородкой и такими же хилыми усиками. В лице его, тощем, скуластом, и впрямь было что-то от крысы или хорька. Хозяин

Порочного града был закутан в красный плащ с каракулевой подкладкой, расшитый золотыми нитями, а ноги его были обуты в красные сапожки из мягкой кожи.

Рыжебородый церемонно поклонился и громко произнес:

– Приветствую тебя, солнцеподобный Крысун, сын Перуна, внук Сварога, и так далее, и тому подобное! Не вели казнить, вели слово молвить!

Лицо Крысуна и без того длинное, слегка вытянулось от изумления. Он коротко моргнул, затем нахмурился и грубо спросил:

– Кто ты и чего тебе надо?

Рыжеволосый приосанился и громко ответил:

– Меня зовут Рах, сын Раха-Костолома, внук Рола-Кровопийцы, и так далее, и тому подобное.

Крысун при этих словах нахмурился еще больше.

– Мне передали, что ты хочешь со мной поговорить, – холодно вымолвил он. – Так что перестань трепать языком и говори, зачем пожаловал в мои покои. Иначе я прикажу охоронцам выбросить тебя в окно.

Рыжеволосый Рах улыбнулся.

– А ты и впрямь деловой человек, Крысун, – сказал он, щурия лукавые зеленоватые глаза. – Это делает тебе честь. Я был бы рад поболтать с тобой о природе и погоде, но раз ты настаиваешь, я сразу перейду к делу.

При этих словах Рах и впрямь напустил на себя деловой вид и заговорил сухим голосом:

– Ты преуспевающий человек, Крысун. Посуда у тебя из серебра, ножны увиты золотом, а брильянт на пальце тянет карат на десять. А теперь скажи мне, богатый купец Крысун: нужны ли тебе деньги?

Крысун прищурил злые глаза.

– Ты пришел сюда, чтобы издеваться надо мной? – сипло спросил он.

Рыжеволосый улыбнулся.

– Отлично! Я всегда говорил: чем больше человек зарабатывает, тем острее он нуждается в деньгах. Что до тебя, Крысун, то ты...

– Ты меня утомил, бродяга, – небрежно протянул Крысун. – Избор, вышвырни этого мерзавца из кружала.

Начальник охоронцев двинулся с места, но Рах отступил на шаг и прорычал, зыркнув на Избора холодными, жесткими глазами:

– Только попробуй, верзила. Последний, кто пытался это сделать, лежит на дне Касского озера с проломленной головой. – Затем перевел взгляд на Крысуна и добавил: – Я не обидчив, но постарайся держать себя в руках, купец.

Крысун усмехнулся.

– Избор, я передумал, – сказал он начальнику охоронцев. – Вышвырни этого наглеца в окно. И если при этом он свернет себе шею, я не обижусь.

– Ждан! Липа! – окликнул начальник охраны.

Двое охоронцев подняли мечи и двинулись на рыжеволосого Раха.

Тот вдруг выхватил из ножен свою черную палку, похожую на обломок посоха, и направил ее на коренастого бородатого богатыря Ждана. Белый всполох на мгновение озарил комнату – и Ждан осыпался на пол кучкой серебристо-черного пепла.

Рах ловко крутанул своей черной корягой в воздухе и сунул ее в чехол. Затем обвел взглядом изумленные лица охоронцев, прищурился и спросил:

– Кто-нибудь еще хочет вышвырнуть меня в окно? Нет? Отлично! – Он вновь повернулся к Крысуну: – Ну что, Скоробогат, теперь-то мы поговорим о деле?

Купец поджал губы и, опасливо поглядывая на волшебный посох Раха, пробормотал:

– Что тебе нужно?

– Я хочу стать твоим помощником, – ответил Рах. – Тебе ведь нужен помощник, Крысун?
– Крысун Скоробогат не нуждается в помощниках, – неуверенно прогудел у него за спиной начальник Избор.

– Скажешь еще слово, здоровяк, и я превращу тебя в кучку пепла, – не оборачиваясь, пообещал ему рыжий Рах. – Есть возражения?

Избор нахмурился, но предпочел промолчать.

– Вот так, – кивнул Рах. Затем мечтательно улыбнулся и добавил: – Если бы все люди были такими понятливыми, в мире бы давно наступила гармония. Итак, господин Крысун, на чем мы остановились?

Крысун облизнул тонкие губы и проговорил с затаившейся в маленьких, мышинных глазках ненавистью:

– Ты сказал, что хочешь стать моим помощником.

Рах кивнул:

– Именно так. Ты самый богатый и влиятельный купец в княжестве, Крысун. Поэтому я выбрал тебя.

Крысун прищурил подозрительные, недобрые, похожие на два тлеющих уголька глаза.

– И чем же ты мне поможешь?

Рах улыбнулся:

– Вопрос не в бровь, а в глаз. И я тебе отвечу. Я тут порас-спросил народ, и узнал, что у тебя много врагов. Ты, конечно, лев, но вокруг тебя полно зловонных гиен, и каждая из них норовит оттяпать у тебя кусок свежатины. Я буду защищать тебя от этих гиен. И я не стану ждать, пока они нападут, а буду действовать на упреждение.

– Как это? – не понял Крысун.

– Просто. Мы первыми нанесем удар и уничтожим всех твоих врагов.

Крысун нервно усмехнулся.

– И как же ты собираешься это сделать? – тихо спросил он.

Рах вскинул брови:

– Разве я не показал тебе?

– Все, что ты сделал, это убил одного охоронца.

– А ты хочешь, чтобы я убил их всех? – Рах небрежно пожал плечами и потянулся к чехлу. – Не проблема.

Увидав, что гость вновь достает свой черный посох, охоронцы побелели и попятились к стене.

– Постой, – сказал Крысун. – погоди.

Рах, держа палку наготове, выжидающе взглянул на купца.

– Твой волшебный посох столь же страшен, как огнестрельный посох Глеба Первохода, – заговорил Крысун сипловатым, недовольным голосом. – Но надолго ли его хватит? Откуда я знаю, сколько еще огненных стрел он может выпустить?

Рах сдвинул рыжеватые брови.

– Об этом не беспокойся, купец, – заверил он. – Зарядов в моем «посохе» хватит на то, чтобы испепелить сотню мерзавцев.

– Что ж... – Крысун задумчиво прищурился. – Если это так, то твое предложение выгодно для меня.

– Рад, что ты так считаешь, – усмехнулся рыжеволосый Рах. – Ты не пожалеешь, что связался со мной, купец.

– Да-да, – рассеянно кивнул Крысун. – Но... – Глаза Крысуна снова стали острыми и проницательными. – ...Зачем это тебе, Рах? Зачем ты пришел ко мне?

– Что ж... – Рах облизнул губы. – Прямой вопрос – прямой ответ. Я хочу стать твоим компаньоном, Крысун. У тебя деньги, у меня – сила. Вместе мы свернем горы. Согласен?

Крысун помолчал, обдумывая ответ Раха. Затем кивнул и сказал:

– Да будет так. Как ты хочешь, чтобы тебя называли?

– А как ты называешь своих парней?

– Охоронцами.

– Вот и меня зови так же. Охоронец Рах. – Рыжеволосый усмехнулся. – По-моему, звучит неплохо. Кстати, хотел спросить вас, ребята – тут все твердят о каком-то Глебе Первоходе. Кто это такой?

При слове «Первоход» Крысун поморщился, словно у него внезапно разболелся зуб.

– Глеб Первоход – здешний ходок, – ответил он нехотя.

– Ходоки – это те чудаки, которые ходят в Гиблое место и приносят оттуда странные вещи?

Крысун кивнул:

– Да. Но Первоход не просто ходок. Он особенный.

– Вот как? И что же в нем особенного?

– Он первым пошел в Гиблое место.

Рах усмехнулся:

– Забавно. А если я первым спрыгну с крыши – ты тоже будешь считать меня особенным?

Крысун насмешливо прищурился:

– Если после этого ты останешься цел и невредим, то да.

– Выходит, этот ваш Глеб Первоход – самый живучий и ловкий из ходоков. И у него тоже есть «волшебный посох», верно?

– Верно, – кивнул Крысун. – Он называет свой посох «ольстрой». Эта ольстра разит недругов громом и крохотными стрелами, которые Первоход называет пулями.

– Вот оно что. – Рах задумался. – И как давно он у вас появился?

– Лет шесть тому.

– Гм... Давненько. А не называл ли он себя Кревом?

Крысун прищурил темные, маленькие глаза и качнул головой.

– Нет. Я о таком не слышал.

Рах вздохнул и улыбнулся.

– Ладно, забудь. Слушай, Крысун, мне бы помыться да подкрепиться. Выдели мне комнату и вели своим людям принести большой чан с горячей водой. От меня воняет, как от пса.

– Ты получишь все, что просишь, Рах, – величественно проговорил Крысун и глянул на Избора. Тот кивнул и, в свою очередь, дал знак одному из своих людей. Тот также кивнул и выдвинулся вперед, готовый служить Раху.

– Что-нибудь еще, Рах? – поинтересовался Крысун.

Рыжий улыбнулся и ответил, понизив голос:

– А как у тебя насчет девочек, купец? Выберешь для своего нового партнера?

Крысун сдержанно усмехнулся.

– К тебе приведут десяток девок, и ты сможешь выбрать сам. Эй, как тебя там... – обратился он к охоронцу.

– Меня зовут Липа, – с готовностью подсказал тот.

– Липа, проводи Раха в гостевые покои и дай ему все, что он пожелает.

– Все сделаю, господин, – кивнул охоронец.

Рах расплылся в улыбке.

– Спасибо, Крысун. Ты не пожалеешь, что связался со мной. – Он махнул купцу рукой и повернулся к двери: – Идем, борода. Покажешь мне мои апартаменты.

Как только дверь за Рахом и его провожатым закрылась, Крысун подозвал к себе начальника Избора и, когда тот подошел, процедил сквозь зубы, злобно сверкая черными мышиными глазками:

– Не спускай с чужеземца глаз. Как только выпустит из рук посох – убей его. Тело брось в овраг, пусть его сожрут бродячие собаки. А посох принеси мне.

Избор сдвинул косматые брови и осторожно заметил:

– Этот посох – чародейский. Уверен ли ты, что хочешь взять его в руки?

– Во время войны с Голядью Глеб Первоход раздал громовые посохи десятку дружинников. И ни у одного из них руки не покрылись язвами.

– Коли так, то сделаю, – качнул головой Избор. – Прикажешь идти?

– Иди.

Поклонившись Крысуну, Избор повернулся и зашагал к двери.

5

Это был большой дом из старых, но крепких бревен. Из трубы валил дым – и это несмотря на теплую погоду, забора не было совсем, а из-за дома выглядывала еще одна крыша, такая же крепкая, как первая, но с размашистыми, как распростертые птичьи крылья, стрехами добротной тесовой кровли.

Молодой ходок Ставр и охотник Глеб осадили коней возле дома.

– Приехали, – сказал Ставр, поглаживая усталого коня по взмыленной шее. – Мне подождать тебя здесь или войти с тобой?

– Ждать придется слишком долго, – ответил охотник. – Идем со мной.

Мужчины спешили и, накинув поводья на коновязь, зашагали к дому. Взойдя на крыльцо – такое же крепкое, широкое и основательное, как сам дом, Ставр громыхнул кулаком по двери.

– Кто пришел? – отозвался из-за двери глухой, недовольный голос.

– Кузнец, открой! – крикнул Ставр. – Мы к тебе по делу!

– Открыто – входи!

Ставр толкнул дверь, и в лицо ему и Глебу пахнуло жаром. Войдя в избу, они сразу увидели кузнеца. Он сидел за столом и ел огромного вяленого леща, отрывая от него смачные куски и отправляя их в большегубый, прячущийся в бороде рот. На плечах – подбитый мехом жупан, на ногах – теплые коты.

– Привет, кузнец! – громко сказал Ставр. – Ну у тебя и жара! Не боишься изжариться?

– Хлынский жар костей не ломит, – флегматично ответил Вакар и сунул в рот очередной кусок рыбы. Затем, перемалывая леща крепкими зубами, глянул на гостей исподлобья и недружелюбно осведомился: – Чего надобно?

Ставр хотел ответить, но охотник отодвинул его в сторону, шагнул вперед и сказал:

– Поговорить.

Кузнец перестал жевать и удивленно уставился на охотника. Затем, дернув кадыком, проглотил недожеванный кусок рыбы и глухо проговорил:

– Твой голос мне знаком. Но я не вижу твоего лица. Может, покажешь?

– Легко, – ответил охотник, поднял руки и сбросил с лица наголовник-капюшон.

Мгновение Вакар сидел на лавке, в упор глядя на охотника, затем вскочил с места, схватил с верстака железное кузло и наотмашь ударил в грудь.

Удар был силен, но он не достиг цели – охотник легко увернулся, перехватил руку кузнеца, вырвал из нее кузло и швырнул его в угол комнаты. Затем толкнул кузнеца на лавку и сказал:

– Тише, Вакар. Успокойся.

– Успокоюсь, когда прикончу тебя, тварь! – прорычал кузнец и снова вскочил с лавки.

На этот раз охотнику не пришлось применять силу, ибо Ставр встал между ним и кузнецом и, выхватив из ножен меч, приставил его к горлу Вакара.

– Только попробуй, – сказал молодой ходок, сверкая глазами. – И я отсеку тебе голову одним ударом.

– Ты не понимаешь! – прорычал Вакар, морщась от прикосновения холодного лезвия. – Это не человек. Ты привел ко мне в дом темную тварь, парень. Если хочешь сделать добро себе и мне, убей его!

– Еще слово, и я убью тебя самого, – предупредил Ставр.

– Нет, Ставр, – сказал охотник, шагнул вперед и опустил руку молодого ходока. Затем взглянул на кузнеца и спокойно заявил: – Вакар, это я, и я настоящий. Помнишь, ты когда-

то спросил меня, есть ли на мне хоть одно живое место. А я ответил, что я весь – сплошное живое место, пока темные твари не добрались до меня.

Вакар вытер рукавом рот и угрюмо возразил:

– Но они добрались. Я своими глазами видел, что упырь перегрыз тебе глотку. И я своею рукой сжег твоё тело.

Охотник покачал головой, улыбнулся и сказал:

– Я выжил. Ни зубы упыря, ни твой огонь не смогли погубить меня.

Кузнец сжал кулаки, незаметно покосился на меч и сипло спросил:

– И как тебе это удалось?

– Когда ты решил меня сжечь, я был ещё жив. Я видел и понимал, что ты делаешь, но ничего не мог сказать. Вспомни сам. Пес почуял, что я жив, и не захотел меня бросить.

– Что было потом?

– Пес оттащил меня в лужу. А после того, как огонь потух, он помог мне поползти до источника трех ключей. Вода Гиблого места спасла меня, и раны мои затянулись.

Вакар подозрительно прищурился и сказал:

– Но у тебя должны остаться шрамы.

Охотник молча откинул плащ и задрал охотничью куртку. Кузнец и Ставр уставились на его бок, покрытый рубцами. Выждав несколько секунд, охотник спокойно спросил:

– Этого доказательства тебе достаточно?

– Да, – выдохнул кузнец.

Охотник опустил куртку. Вакар тяжело опустился на лавку. Взярошил широкими пятернями свои серебристо-ржавые волосы.

– Если все было так, как ты говоришь, то я перед тобой виноват, – сказал он глуховатым, неуверенным голосом.

– Я не держу на тебя зла, кузнец, – спокойно ответил охотник.

Ставр, до сих пор молча переводивший взгляд с кузнеца на охотника и обратно, прервал молчание и взволнованно произнес:

– Объясните мне – что все это значит?

– Сказать ему? – поинтересовался у охотника Вакар.

Тот кивнул. Кузнец повернулся к молодому ходоку и сказал:

– Человек, которого ты привел, вовсе не охотник.

– Как не охотник? А кто?

– Его зовут Глеб Первоход. И он ходок.

Парень перевел взгляд на своего спутника и захлопал глазами.

– Ты... Ты в самом деле Первоход?

Глеб кивнул:

– Да.

– Но... – Голос Ставра дрогнул. – Но этого не может быть! Старые ходоки рассказывали, что Первоход сгинул в чащобе!

– Я тоже так думал, – прогудел кузнец. – Но, как видишь, Первоход жив. – Ещё несколько секунд Вакар сидел молча, потом вдруг вскочил с лавки, шагнул к Глебу и крепко его обнял. – Леший тебя побери, парень! – проговорил он растроганно. – Леший тебя побери!

– Ну-ну, – засмеялся Глеб и похлопал кузнеца по спине. – Я тоже рад тебя видеть, старина.

Кузнец отпрянул от гостя, отвернулся и вытер рукою мокрые глаза.

– Леший... – повторил он. – Развел сопли, как девчонка... – Он снова взглянул на Глеба. – Выпьешь олуca? Он у меня знатный. Из ячменя, хмеля и степной полыни.

– Можно, – кивнул Глеб. – Ставр, ты как?

– Я тоже не против, – ответил парень.

– Садитесь за стол, а я принесу кувшин, – распорядился Вакар.

Вскоре все трое сидели за столом и пили хмельной олус, заедая его вяленой рыбой и солеными сухарями. Кузнецпил меньше всех, он, казалось, все еще пребывает в глубоком раздумье. Время от времени Вакар бросал на Глеба быстрые, внимательные взгляды и тут же снова отводил глаза.

Глеб, потягивая терпкий олус, вкратце рассказал кузнецу о своем охотничьем житии-бытии, затем сказал:

– Вакар, когда мы виделись в последний раз, ты обещал мне кое-что сделать.

Кузнец отхлебнул олуса, вытер рот ладонью и сказал:

– Я избавился от перевертня, Глеб.

– Как?

– Утопил его в болоте, как ты и сказал.

– А как насчет камня? Перед тем как сжечь меня, ты забрал у меня камень власти.

– Верно, забрал. – Вакар вздохнул. – Ты велел мне вернуть этот камень в Святилище нелюдей. Но я не сумел его найти.

– И где же камень теперь?

Вакар чуть прищурил свои светлые, глубоко посаженные глаза и ответил:

– В надежном месте.

– Ты отдашь его мне?

Кузнец промолчал, словно не услышал вопроса Глеба.

– А что это такое – камень власти? – поинтересовался, уплетая рыбу, Ставр.

Глеб отхлебнул из кружки, облизнул мокрые губы, покосился на парня и сказал:

– Два года назад я вынул этот камень из священной плиты, расположенной в самом сердце Гиблого места. Вынув его, я сорвал печать, которой несколько сотен лет назад жрецы-нелюди скрепили вход в бездну, и выпустил наружу странный туман. Туман этот породил призрачных тварей.

– Я помню эту историю, – сказал Ставр. – Но я не знал, что это сделал ты.

– Призрачные твари не могли перейти межу, – продолжил свой рассказ Глеб. – Но одному молодому ходоку удалось вынести из Гиблого места чудную вещь под названием «перевертень». А вместе с этой вещью он вынес оттуда и призрачную тварь. Оказавшись в Хлынь-граде, призрачная тварь приняла облик ходока и стала пожирать людей.

– Это я тоже помню, – снова кивнул Ставр.

– Я отнес перевертень обратно в Гиблое место. Прихватил с собой и камень из святилища, чтобы вернуть его жрецам. Но дойти до конца я не сумел. И тогда мою работу взялся доделать кузнец Вакар.

– И он утопил перевертень в болоте, но не сумел вернуть камень в святилище?

– Да.

– Значит, дыра, через которую туман вырвался наружу, все еще открыта?

– Да, – снова ответил Глеб. – Я убил чудовище, которое порождало призрачных тварей. Но, думаю, что несколько тварей еще осталось. Они шляются по Гиблому месту, но, слава богам, не могут выбраться за межу.

– Думаю, это им сильно не нравится, – усмехнулся Ставр. – Но если чудовища больше нет, тогда зачем возвращать камень? А, Первоход?

Глеб нахмурился, но ничего не сказал. За него ответил кузнец:

– Никто не знает, какие еще твари пролезут в наш мир через эту дыру, – сказал он. – Да и жрецы Нуарана не успокоятся, пока Глеб не вернет им камень. Рано или поздно они найдут его.

– Но... – снова начал Ставр, но кузнец его оборвал:

– Хватит вопросов, ходок. – Он снова взглянул на Глеба. – Значит, ты собираешься вернуть камень в святилище?

Глеб усмехнулся.

– Если честно, то до сегодняшнего дня я не думал об этом. Я дал себе слово, что больше не пойду в Гиблое место. Ни под каким предлогом.

– И что же заставило тебя изменить своему слову?

Глеб вздохнул и ответил, заметно помрачнев:

– Я охотился неподалеку от межи. И вдруг услышал зов. Зов шел из Гиблого места. Не знаю, как это толком объяснить. Словно сами деревья что-то мне нашептывали.

– И что же они тебе нашептали?

Глеб поднял взгляд на кузнеца и спокойно проговорил:

– Что надвигается страшная опасность и что я должен остановить ее. Я попытался заткнуть уши, но зов звучал у меня в голове. И тогда я сдался. Однако я поклялся, что не отойду от межи дальше чем на пять верст.

– Пять верст от межи, – зачарованным голосом повторил Ставр. – Это то место, где мы остановились на ночлег.

Глеб кивнул:

– Да. Я успел вовремя, чтобы спасти твою шкуру. Мне повезло: одна из моих старых ловушек уцелела.

Глеб отхлебнул олуся, опустил кружку на стол и вдруг встретился взглядом с кузнецом. Взгляд того был холоден и подозрителен.

– Ты хочешь меня о чем-то спросить? – спокойно осведомился Глеб.

– Да, – ответил кузнец. – Покажи мне свои шрамы.

– Но я уже...

– Не те. Покажи мне шрамы, которые тебе оставила лесная богиня Сорни-Най.

Глеб усмехнулся:

– Ты все еще думаешь, что я оборотень или призрачная тварь?

– Покажи мне шрамы, Первоход. Просто покажи.

Глеб поставил кружку на стол, задрал рукав на правой руке и показал кузнецу аккуратный рядок белесых шрамов, похожих на зарубки.

– Шесть, – тихо проговорил Вакар.

Глеб качнул головой:

– Нет. Седьмой остался. Приглядишься и увидишь.

Кузнец пригляделся.

– Да, он на месте. Это из-за того, что я не вернул камень власти жрецам?

– Это была моя задача, Вакар. И я с ней не справился.

– Но седьмой шрам почти выцвел.

– Верно, – кивнул Глеб. – Он выцвел в тот момент, когда ты утопил перевертень в болоте. – Глеб опустил рукав и посмотрел кузнецу в глаза. – Так ты вернешь мне камень власти?

Вакар отвел взгляд и нахмурился. Глеб выждал несколько секунд, затем сухо осведомился:

– Ты решил присвоить его? Но он не принесет тебе счастья, Вакар. Многие уже пробовали.

– Плевать я хотел на камень! – резко проговорил кузнец. – Не он мне нужен!

– Тогда что?

Кузнец снова посмотрел Первоходу в глаза и глухо ответил:

– Ты должен помочь мне, Глеб. Никто больше не сможет, только ты. Ты ведь помнишь мою дочь?

– Да, Вакар, я помню твою дочь.

– А моего внука?

– Я никогда его не видел.

– Но кое-что о нем слышал, верно? – Кузнец вытер ладонью заблестевшие от слез глаза. – Он не так уродлив, как про него говорят. И больше похож на человека, чем на нелюдя. В любом случае, он не сделал никому ничего дурного и не заслуживает пыток.

– Вакар, я...

– Княжьи охоронцы схватили мою дочь и моего внука, – сказал кузнец. – Они держат их в темнице. Они выбивают из нее признание в том, что она сама, сознательно, по доброй воле была с нелюдем и зачала от него ребенка.

На лице Глеба отобразилось удивление.

– Зачем им это?

– Власть ускользает из рук князя. Многие в княжестве поговаривают, что болезнь и война с Голядью сломили его, сделали слабым. И теперь он пытается показать свою силу.

– Пытая девушку и ребенка? – вскинул бровь Глеб.

– В глазах хлынцев мой внук – настоящее чудовище. Он ведь сын одного из предводителей воинства нелюдей.

– Но воинства этого давно нет.

– Верно, нет. Но страх засел в людские души, как заноза, Глеб. Они боятся, что когда-нибудь нелюди вернутся.

Глеб помолчал. Затем тихо спросил:

– Чего же ты хочешь от меня, Вакар?

Кузнец глянул на Глеба угрюмым взглядом.

– Я верну тебе камень, ходок. Но сперва ты найдешь способ освободить их.

Глеб усмехнулся.

– Вакар, но это бессмысленно. Даже если они сбегут, их все равно поймают. Им негде спрятаться.

– Это уже не твоя забота, – угрюмо сказал Вакар. – У меня есть дальние родичи, которые заберут Ольстру и малыша и увезут их туда, где про них никто ничего не знает. Только вытащи их из темницы, Глеб. Вытащи, умоляю!

Глеб задумался. Вакар смотрел на него выжидающе. Ставр, несмотря на явное любопытство, светившееся в его глазах, предпочитал до поры до времени не вмешиваться в разговор Первохода и кузнеца-вещуна.

Наконец Глеб вышел из задумчивости.

– Кто ведет дознание? – спросил он у кузнеца.

– Дознаватель по имени Пырей Крюк, – ответил тот. – Говорят, он очень жесток и ненавидит нелюдей.

Глеб мрачно усмехнулся.

– Хотел бы я посмотреть на того, кто их любит.

Вакар прищурил светлые глаза и, дернув уголками губ, заметил:

– Кажется, я знал одного.

Несколько секунд длилось молчание, потом Глеб облизнул пересохшие губы и парировал спокойным голосом:

– Я любил в Дионе не нелюдя, Вакар. Я любил в ней человека. – Он отодвинул от себя кружку и сказал: – Я сильно устал. В твоём доме найдется для меня кровать?

– Конечно, – кивнул Вакар. – Но что ты решил? Ты поможешь мне вытащить Ольстру и внука из темницы?

Глеб посмотрел на кузнеца холодным взглядом и проронил:

– А разве ты оставил мне выбор?

* * *

– Что значат эти шрамы у него на предплечье? – тихо спросил Ставр, потягивая ольстру. Кузнец усмехнулся.

– Подарок богов. Первоход не может вернуться домой, пока эти шрамы не сойдут.

– А они сходят?

– Когда-то их было десять. Теперь – шесть.

– Семь, – поправил Ставр.

– Седьмой шрам почти не виден. Скоро сойдет и он.

– А что нужно сделать, чтобы очередной шрам сошел? – полюбопытствовал Ставр.

– Пройти через испытание и выйти из него победителем.

– Вот оно что. – Ставр взглянул на спящего Первохода. – Хотел бы я, чтобы у меня были такие же шрамы, – с завистью проговорил он.

– Поссоришься с богами – будут, – мрачно пообещал Вакар. – Думаю, будь на то воля Первохода, он бы с радостью поделился с тобой своими шрамами. – Вакар отхлебнул олуса, заел куском вяленой рыбы и проговорил с набитым ртом: – Глеб сказал, что вы поймали какую-то тварь?

Ставр кивнул:

– Угу.

– И где же она теперь?

– Мы продали ее хозяину Порочного града за десять серебряных дирхемов.

– Вот как. – Кузнец прищурился. – Значит, вы теперь богачи?

Ставр слегка покраснел.

– Если честно, то я не заслужил этих денег, – сказал он. – Первоход спас меня. Это он поймал тварь. Но он не хочет забирать свои деньги.

– Это на него похоже, – согласился Вакар, взялся за кувшин и вновь наполнил кружки олусом.

Полчаса спустя Ставр сидел за столом, подперев рукою щеку и горько о чем-то размышлял.

– Что с тобой, Ставр? – с пьяной хрипотцой спросил Вакар.

Парень шмыгнул носом и ответил дрогнувшим голосом:

– Я привел людей в Гиблое место, но не сумел уберечь их. Тварь убила моих ведомых.

– Рано или поздно это случается с каждым ходоком, – изрек кузнец.

– А с Первоходом? С ним такое бывало?

– А как же. – Вакар нахмурился и назидательно изрек: – Гиблое место не прощает ошибок, парень. А ошибаются все.

Ставр вздохнул.

– Не утешай меня, Вакар, – с горечью произнес он. – Я плохой ходок. Если бы не Первоход, тварь растерзала бы и меня. А он... Видел бы ты, как ловко он с ней справился. Первоход никогда ничего не боится, а я... Я часто боюсь.

– Все боятся, парень. Все.

Ставр покачал головой:

– Нет. Глеб не боится. А я так сильно их боюсь... И волколаков, и оборотней... И даже упырей. Они такие... страшные. – Ставр вытер рукою мокрый нос.

Кузнец насмешливо посмотрел на шмыгающего носом парня и сказал:

– Э, парень, да ты, я вижу, поплыл. Ложись-ка спать, Ставр.

– Я не хочу спать.

– Зато я хочу. Да и лучина почти догорела. На печку тебя, уж извини, не пущу. А вот тюфяк дам.

– Я могу и без тюфяка...

– Никаких! – мотнул головой Вакар. Он обнял молодого ходока за плечи, вздохнул по-стариковски и сказал: – Хороший ты парень, Ставр. Только глупый.

– И что ж теперь мне делать? – спросил Ставр.

Кузнец пожал плечами и хмыкнул:

– Да ничего. С Первоходом все умнеют. Поумнеешь и ты. Если только не помрешь по пути.

6

Ночь была глубокая, темная и ветреная. Луну и без того ущербную затянули тучи, и света ее едва хватало для того, чтобы разглядеть собственную вытянутую руку.

Глеб, закутавшись в плащ, шагал к центру города, где, примыкая одной стеной к высокому частоколу, огораживающему княжий двор, располагалась темница, а чуть поодаль от нее – страшный пыточный дом, в котором дознаватели выбивали из узников признания.

Поступь Глеба была легка и упруга. Он чувствовал давно забытое волнение от ощущения неминуемой и смертельной опасности. И, как ни странно, это было приятно. Он словно бы очнулся от спячки и помолодел лет на пять.

Вот и пыточный дом. Глеб откинул полы плаща, одним прыжком, как большая темная птица, перелетел через колья ограды и мягко, по-кошачьи, приземлился на землю. Быстро огляделся. Вокруг было тихо и спокойно.

Глеб поправил на спине кобуру с ольстрой и бесшумно двинулся дальше.

* * *

Кулак дознавателя Пырея, обмотанный грубой тряпкой, хлестко врезался в челюсть привязанного к лавке чернобородого мужика, одетого в окровавленную, порванную рубаху. Голова мужика мотнулась в сторону, из разбитого рта на стену брызнула кровь.

Пырей рослый, широкоплечий, могучий, как скала, посмотрел на стену, нахмурился и устало пробурчал:

– Ну вот. Стену испачкал, дурак. Теперь придется замывать.

Мужик на стуле вытер окровавленную бороду о плечо и взглянул на дознавателя.

– Зря бьешь. Все равно ничего не скажу.

– Не скажешь?

Мужик качнул головой:

– Нет. Ничего не видел, ничего не знаю.

Пырей покачал головой и с досадой заметил:

– Дурак. Полный дурак. Пойми же ты, дурья башка, я помочь тебе хочу.

– Да ну? – Мужик прищурил заплывшие синяками глаза. – И как же это?

Пырей наклонился к мужику и прошептал ему на ухо:

– Расскажешь, кто был с тобой в лабазе, и сделаю тебе послабление.

– Какое? – насторожился мужик. – Избавишь меня от подземелья?

Пырей сдвинул брови и мотнул головой:

– Нет, брат. Этого я тебе обещать не могу.

– В чем же тогда твое послабление?

– А в том, что подельничков твоих я закую в кандалы и брошу в ледяной подвал. Там они и кончатся. А тебя, дурака, я определю в сухую клетку и прикажу давать тебе столько ржаного хлеба, сколько сможешь съесть. А через годик, глядишь, и отпущу. Если, конечно, будешь хорошо себя вести.

Мужик медленно, с натугой усмехнулся. От усилия из его разбитых губ вытекла струйка крови и скрылась в лохматой, побагровевшей бороде.

– Нешто я не знаю, что в подземелье больше года никто не живет, – проговорил мужик с горькой усмешкой.

Пырей вздохнул.

– Жалко мне тебя, Владияр. Пропадешь ты. Сгниешь в подземелье, как раздавленный червь. А друзья-подельнички будут по кружалам сидеть да брагу с пирогами трескать. А об тебе, болване, даже не вспомнят.

– Может, и не вспомнят, – угрюмо проговорил мужик. – А может, и вспомнят.

Пырей выпрямился.

– Ладно, – вздохнул он. – Утомил ты меня, брат. Витчак! Нур! Хлыщ!

Дверь распахнулась, и в пыточную комнату вошли три дюжих молодца в шерстяных поддевках, поверх которых красовались кожаные фартуки – такие же, как на Пырее.

– Берите этого лебеда и тащите его в темницу, – распорядился Пырей.

Молодцы быстро отвязали мужика от лавки, подхватили его под руки и выволокли из комнаты.

– Уф-ф... – Пырей стянул с кулаков тряпки и швырнул их на лавку. Затем взял со стола чистый рушник и отер потное лицо. – Совсем утомил, леший.

Дознаватель взял со стола кувшин с квасом и наполнил кружку до краев. Затем медленно, с толком, расстановкой и удовольствием выпил весь квас.

В дверь стукнулись.

– Чего там еще? – недовольно буркнул Пырей.

Дверь приоткрылась, и в щель всунулась конопатая рожа помощника Хлыща.

– Пырей, там к тебе человек от Крысуна Скоробогата, – доложил Хлыщ, с завистью глянув на кувшин.

Дознаватель нахмурился.

– Человек? Что за человек? Зачем?

– Зачем – не сказал. Привести, что ли?

– Оружие у него при себе есть? – поинтересовался Пырей.

– Меч, кинжал да сумка с деревяшкой.

– Заберите, а после отдадите!

Парень покачал головой:

– Не, деревяшку не отдает. Говорит – на ней послание от Крысуна нацарапано.

Пырей подумал и махнул рукой.

– Ну, леший с ней, с деревяшкой. Веди так.

– Слушаю!

Голова Хлыща скрылась за дверью. Пырей сел на лавку и снова отер лицо.

Интересно, чего это понадобилось хозяину Порочного града? Никак, работенку хочет предложить? Но какую?

Пырей нахмурился.

Небось, кто-нибудь из людишек спер у него дорогую вещицу, а дознаться, кто именно, Крысун Скоробогат не может. Вот и решил обратиться к умелому и опытному человеку. Что ж, можно и на Крысуна поработать. Хоть на лешего – только бы заплатил!

Дверь открылась, и в комнату вошел человек. Вошедши, тотчас повернулся к Пырею спиной, да так быстро, что дознаватель не разглядел его лица, и запер за собою дверь.

Пырей напрягся и положил пальцы на рукоять тяжелого ножа-косаря, висевшего у него на боку.

Человек повернулся, и Пырей вздрогнул. Длинные каштановые волосы, смуглое лицо, тонкий нос с горбинкой, насмешливые глаза. Да ведь это же...

– Первоход! – выдохнул Пырей.

Незванный гость кивнул.

– Угадал.

Пырей облизнул пересохшие от волнения губы.

– За твою голову обещана большая награда, – глухо сообщил он.

- И ты собираешься ее получить?
- Пырей прищурил глаза и покосился на приклад ольстры, торчащий у ходока из-за плеча.
- На ольстру свою не надейся, – грубо протянул он. – Стрельнешь раз, стрельнешь другой, а на третий мои парни выхватят булавы и вышибут из тебя дух.
- Глеб посмотрел на дознавателя спокойным взглядом и сказал:
- Я не собираюсь ни в кого стрелять. – Он поднял ладони кверху. – Видишь? Я просто хочу поговорить.
- Пырей недоверчиво блеснул глазами.
- Поговорить? Что ж...
- Пырей вдруг дернул рукой, намереваясь двинуть гостя кулаком в челюсть, но Глеб легко перехватил его руку и сжал ее в пятерне. Пырей тихо вскрикнул и поморщился от боли.
- Еще раз так сделаешь – убью, – холодно отчеканил Глеб, глядя дознавателю в глаза.
- Пырей выдернул руку, потер запястье и болезненно поморщился.
- Силен же ты, Первоход, – неприязненно процедил он. – А с виду и не скажешь.
- В дверь стукнулся помощник Хлыщ.
- Пырей, у тебя все в порядке? – окликнул он.
- Дознаватель глянул на хмурое лицо Первохода и громко ответил:
- Да! – Затем чуть прищурился и спросил, понизив голос почти до хриплого полусшепота:
- Ну? И что тебе от меня нужно, ходок?
- Прикажи привести сюда Ольстру, дочь Вакара-кузнеца, и ее сынишку, – потребовал Глеб.
- Ты, верно, не понимаешь, о чем просишь. Ее сын – нелюдь.
- Я об этом слышал.
- Он тварь. Чудовище. Он заслуживает того, чтобы его разорвали на части.
- Это твое мнение, и мне на него плевать. – Глеб вынул из кобуры ольстру, наставил на дознавателя и сказал: – Я буду считать до пяти, Пырей. На счет пять я разможжу тебе голову.
- Дознаватель побледнел, но качнул головой и угрюмо напомнил:
- Ты этого не сделаешь. Ты ходок и убиваешь только темных тварей.
- Для меня ты и есть темная тварь, Пырей.
- Я сделал тебе что-то плохое?
- Глеб холодно усмехнулся.
- Ты мучаешь людей, дознаватель. Темные твари – тоже.
- Я мучаю лишь тех, кто преступил закон.
- Это ты так думаешь. А те, кому ты выламываешь руки, думают иначе.
- По-твоему, они заслуживают пощады лишь потому, что вызывают в твоём сердце жалость?
- Я не собираюсь спорить с тобой, Пырей. Распорядись привести сюда Ольстру и ее сына. Если ты не сделаешь этого, я тебя убью. Считаю до пяти. Один... Два...
- Ты не посмеешь меня убить.
- Три.
- Остановись, пока не поздно!
- Четыре...
- Хорошо! – выдохнул Пырей. – Хорошо, я сделаю, как ты просишь! Но ты все равно не сможешь выбраться из пыточного дома.
- Тогда тебе не о чем волноваться, – с усмешкой заявил Глеб. Он качнул стволом ольстры. – Давай, дознаватель, не тани время. И не делай глупостей.
- Хлыщ! – гаркнул Пырей. – Хлыщ!
- Дверь приоткрылась, и в щели появилась лохматая голова помощника:
- Звал, Пырей?

– Приведи ко мне дочку кузнеца и ее ублюдка.
– Ты уверен? После последней пытки они едва не померли от мук. Может, дать им чуток отдохнуть?
– Спорить будешь, смерд?! – раскатисто прорычал Пырей. – Веди, сказал!
Хлыщ поспешно скрылся за дверью. Дознаватель уставился на Глеба.
– И все же не понимаю, – вздохнул он. – Ты много лет убиваешь темных тварей. А когда я, княжий дознаватель, занялся тем же, ты угрожаешь мне смертью. Где справедливость?
Глеб нервно дернул щекой.
– Я уже сказал тебе, что не желаю спорить.
– Но...
– Просто захлопни пасть и жди.
Лицо Пырея стало еще угрюмее.
– Если ты убьешь меня, тебе никогда не будет прощения. Княжьи ловчие достанут тебя из-под земли.
Глеб усмехнулся.
– Однажды они уже пытались это сделать. Но, как видишь, у них не получилось.
– Тебя схватят, Первоход. Схватят и приведут ко мне. И тогда я...
Дверь открылась, и двое вооруженных до зубов охоронцев ввели в комнату окровавленную, распухшую от синяков женщину и крохотного мальчика.
Глеб быстро прикрыл ольстру полый плаща.
– Ступайте! – приказал охоронцам Пырей.
Те повернулись и молча вышли из пыточной. Дознаватель взглянул на Первохода:
– И что дальше?
– Дальше? А дальше ты будешь спать. – Глеб, холодно улыбнувшись, шагнул к дознавателю и ударом приклада в челюсть вышиб из верзилы Пырея дух.

* * *

Когда двадцать минут спустя Глеб, крепко прижимая к себе малыша, помог девушке перебраться через забор, он был весь перепачкан кровью и слегка прихрамывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.